

ДѢТСКІЯ КНИГИ

ПОДЪ *РЕДАКЦІЕЙ*

АЛЕКСАНДРА БЕНУА

М. ГОРЬКАГО

Книжка для маленькихъ дѣтей

составили

Александръ Бенуа
и К. Чуковскій

Госуд. Тип.

1917

Самоваръ.

Было это лѣтней ночью на дачѣ.

Въ маленькой комнатѣ стоялъ на столѣ у окна пузатый самоваръ и смотрѣлъ въ небо, горячо распѣвая:

— Замѣчаете ли, чайникъ, что луна
Чрезвычайно въ самоваръ влюблена?

Дѣло въ томъ, что люди забыли прикрыть трубу самовара тушилкой и ушли, оставивъ чайникъ на конфоркѣ; углей въ самоварѣ было много, а воды мало, —вотъ онъ и кипятился, хвастаясь предъ всѣми блескомъ своихъ мѣдныхъ боковъ.

Чайникъ былъ старенькій, съ трещиной на боку, и очень любилъ дразнить самоваръ. Онъ ужъ тоже начиналъ закипать; это ему не нравилось,—вотъ онъ поднялъ рыльце кверху и шипитъ самовару, подзадоривая его:

— На тебя луна
Смотритъ свысока,
Какъ на чудака,—
Вотъ тебѣ и—на!

Самоваръ фыркаетъ паромъ и ворчитъ:

— Вовсе нѣтъ. Мы съ ней—сосѣди,
Даже нѣсколько родня:
Оба сдѣланы изъ мѣди,
Но она—тусклѣй меня,
Эта рыжая лунишка,—
Вотъ на ней какія пятна!

— Ахъ, какой ты хвастунишка,
Даже слушать непріятно!—

зашипѣлъ чайникъ, тоже выпуская изъ рыльца горячій паръ.

Этотъ маленькій самоваръ и вправду очень любилъ хвастаться, онъ считалъ себя умницей, красавцемъ, ему давно уже хотѣлось, чтобъ луну сняли съ неба и сдѣлали изъ нея подносъ для него.

Форсисто фыркая, онъ будто не слышалъ, что сказалъ ему чайникъ,—поетъ себѣ во всю мочь:

— Фухъ, какъ я горячъ!
Фухъ, какъ я могучъ!
Захочу—прыгну, какъ мячъ,
На луну выше тучъ!

А чайникъ шипитъ свое:

— Вотъ извольте говорить
Съ этакой особой.
Чѣмъ зря воду-то варить,
Ты—прыгни, попробуй!

Самоваръ до того раскалился, что посинѣлъ весь и дрожитъ, гудитъ:

— Покиплю еще немножко,
А когда наскучитъ мнѣ,—
Сразу выпрыгну въ окошко
И женюся на лунѣ!

Такъ они оба все кипѣли и кипѣли, мѣшая спать всѣмъ, кто былъ на столѣ.

Чайникъ дразнитъ:

— Она тебя круглѣй.

— Зато въ ней нѣтъ углей,—

отвѣчаетъ самоваръ.

Синій сливочникъ, изъ котораго вылили всѣ сливки, сказалъ пустой стеклянной сахарницѣ:

— Все пустое, все пустое!
Надоѣли эти двое!

— Да, ихъ болтовня
Раздражаетъ и меня,—

отвѣтила сахарница сладенькимъ голосомъ. Она была толстая, широкая и очень смѣшлива, а сливочникъ—такъ себѣ, горбатенькій господинъ унылаго характера съ одной ручкой; онъ всегда говорилъ что-нибудь печальное.

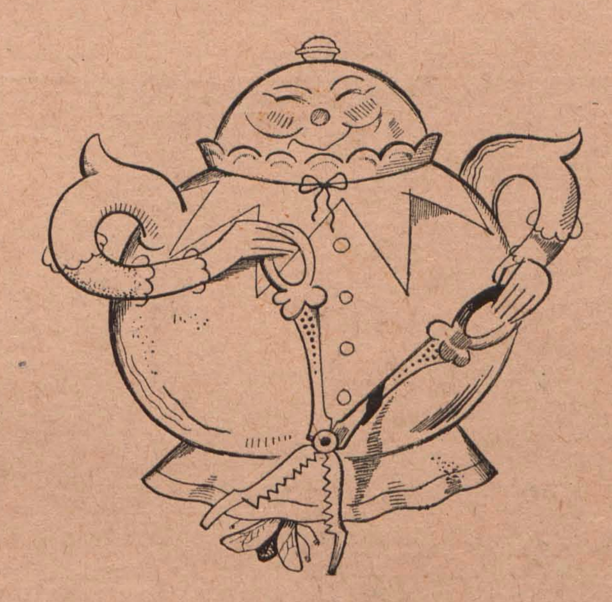
— Ахъ,—сказалъ онъ,—

Всюду—пусто, всюду—сухо,
Въ самоварѣ, на лунѣ.

Сахарница, поежившись, закричала:

— А въ меня залѣзла муха
И щекочетъ стѣнки мнѣ...
Охъ, охъ, я боюсь,
Что сейчасъ засмѣюсь!

— Это будетъ странно — слышать смѣхъ стеклянный,—невесело сказалъ сливочникъ.

Проснулась чумазая тушилка и зазвенѣла:

— Дзинь! Кто это шипитъ?
Что за разговоры?
Даже китъ ночью спитъ,
А ужъ полночь скоро!

Но, взглянувъ на самоваръ, испугалась и звенитъ:

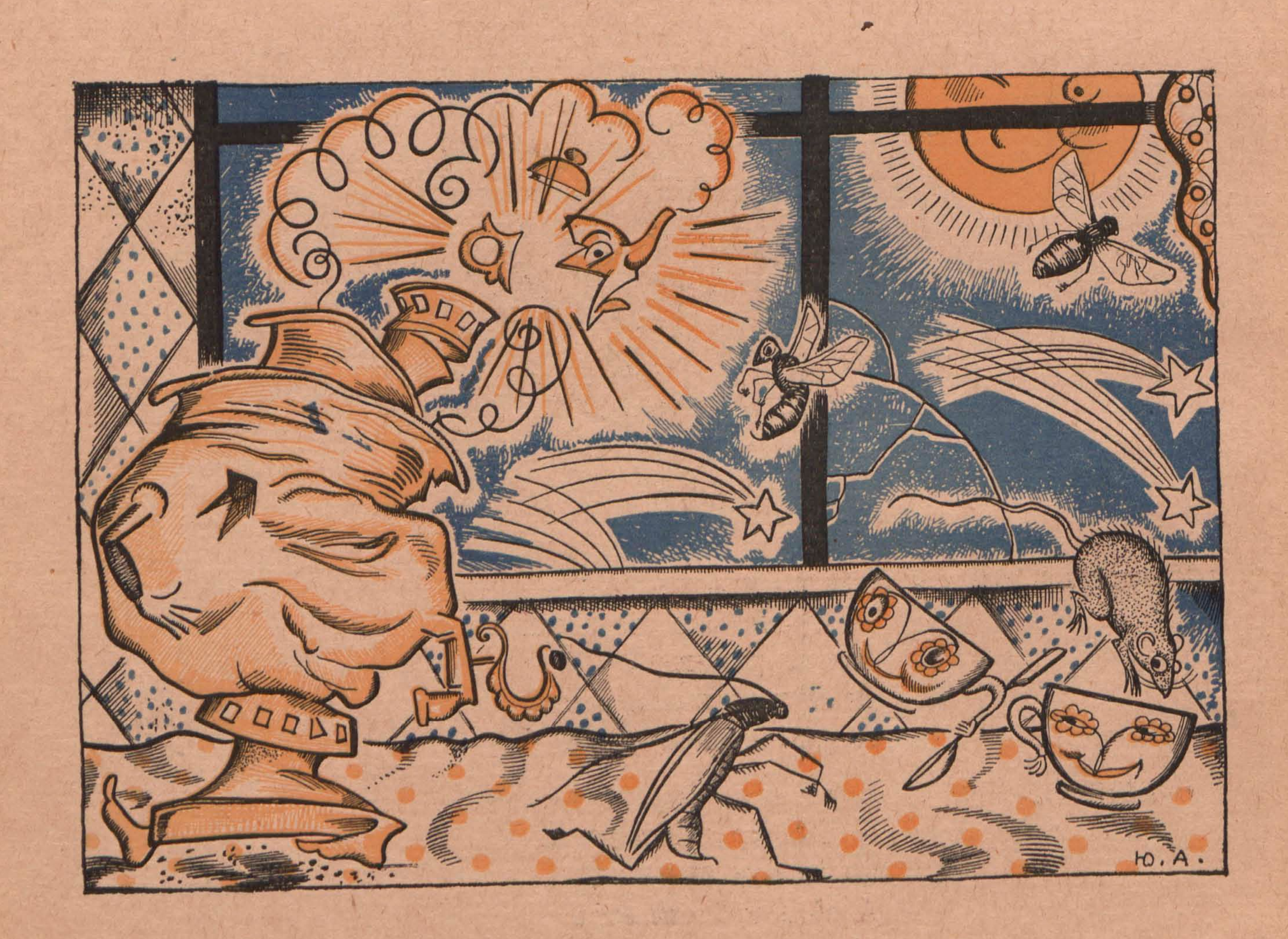
— Ай, люди всѣ ушли
Спать или шляться,
А вѣдь мой самоваръ
Можетъ распаяться!
Какъ они могли забыть
Обо мнѣ, тушилкѣ?
Ну, придется имъ теперь
Почесать затылки!

Тутъ проснулись чашки и давай дребезжать:

— Мы скромныя чашки,
Намъ все все равно!
Всѣ эти замашки
Мы знаемъ давно!
Намъ ни холодно, ни жарко,
Мы привыкли ко всему!
Хвастунъ самоварко,
И не вѣримъ мы ему.

Заворчалъ чайникъ:

— Ф-фу, какъ горячо,
Жарко мнѣ отчайно.
Это не случайно,
Это чрезвычайно!

И—лопнулъ!

А самоваръ чувствовалъ себя совсѣмъ плохо: вода въ немъ давно вся выкипѣла, а онъ раскалился, кранъ у него отпаялся и повисъ, какъ носъ у пьянаго, одна ручка тоже вывихнулась, но онъ все еще храбрился и гудѣлъ, глядя на луну:

— Ахъ, будь она яснѣй,
Не прячься она днемъ,
Я подѣлился бъ съ ней
Водою и огнемъ!
Она со мной тогда
Жила бы не скучая,
И шелъ бы дождь всегда
Изъ чая!

Онъ ужъ почти не могъ выговаривать словъ и наклонялся на бокъ, но все еще бормоталъ:

— А если днемъ она должна ложиться спать,
Чтобъ по ночамъ свѣтлѣй сіяло ея донце,—
Я могъ бы на себя и днемъ и ночью взять
Обязанности солнца!
И свѣта и тепла землѣ я больше дамъ,
Вѣдь я его и жарче и моложе!
Свѣтить и ночь и день ему не по годамъ,—
А это такъ легко для мѣдной рожи!

Тушилка обрадовалась, катается по столу и звенитъ:

— Ахъ, это очень мило!
Это очень лестно!
Я бы солнце потушила,
Ахъ, какъ интересно!

Но тутъ—кракъ!—развалился самоваръ на кусочки, кранъ клюкнулся въ полоскательную чашку и разбилъ ее, труба съ крышкой высунулась вверхъ, покачалась, покачалась и упала на бокъ, отколовъ ручку у сливочника; тушилка, испугавшись, откатилась на край стола и бормочетъ:

— Вотъ смотрите: люди вѣчно
Жалуются на судьбу,
А тушилку позабыли
Надѣть на трубу!

А чашки, ничего не боясь, хохочутъ и поютъ:

— Жилъ-былъ самоваръ,
Маленькій, да пылкій,
И однажды не прикрыли
Самоваръ тушилкой!
Былъ въ немъ сильный жаръ,
А воды немного;
Распаялся самоваръ,—
Туда ему дорога,
Туда и дорога-а!

М. Горькій.

Рисунки Ю. Анненкова.

Какъ прыгалъ зайчикъ

Ой, какъ тонко-тоненько
Мишка завизжалъ:
Зайчикъ съ подоконника
Прыгнулъ-побѣжалъ—
Съ няни да на Мишку,
Съ Мишки—на книжку,
Съ книжки—на стѣнку,
Со стѣнки—на колѣнку,
Съ колѣнки да на полъ,
Съ полу—на полку,
Съ полки—на елку,
Прямо въ зубы волку.
Прыгъ! и пропалъ...

Натанъ Венгровъ.

ДЖЕКЪ
ПОБѢДИТЕЛЬ ВЕЛИКАНОВЪ

АНГЛІЙСКАЯ НАРОДНАЯ СКАЗКА, СЪ РИСУНКАМИ В. ЗАМИРАЙЛО.

Хорошо было въ деревнѣ. Люди жили и радовались. Вдругъ откуда-то пришелъ великанъ Корморанъ и поселился въ пещерѣ — страшный, рыжій, зубастый, съ дубиной.

Каждое утро онъ выходилъ на дорогу и кого поймаетъ, того съѣстъ: козла, пѣтуха, свинью. Кошку поймаетъ—и кошку съѣстъ. Схватитъ человѣка—и въ ротъ. Одинъ мужикъ везъ дрова на базаръ, такъ великанъ Корморанъ сожралъ и его, и кобылу, и дрова, и телѣгу,—даже кнута не оставилъ. Жадный былъ обжора несытый.

Мужики боялись его. Они и не думали отнимать у него свое добро, а сами же приносили ему что повкуснѣе:

— Скушайте, господинъ Корморанъ!

— Пріятнаго аппетита, господинъ Корморанъ!

— Не желаете ли еще, господинъ Корморанъ?

И кланялись ему, какъ важному барину. А онъ ходитъ, злодѣй, по деревнѣ и давитъ ихъ сапогами, какъ мухъ. А то хлопнетъ по домишкамъ дубиной, домишки вдребезги, а ему хоть бы что. Шла по улицѣ дѣвочка Дженни, такъ онъ, безсовѣстный, и ее проглотилъ,—и какъ не подавился, злодѣй!

Но почему же мужики не прогнали его? Вѣдь если бы всѣ они, сколько ихъ есть, накинулись на него съ топорами, небось, онъ пересталъ бы злодѣйствовать, испугался бы, забился бы въ берлогу, но мужики были трусы, но мужики были глупы и стукали лбомъ предъ мучителемъ:

— Скушайте еще, господинъ Корморанъ.

А господину Корморану чего же и нужно. Онъ растолстѣлъ, разжирѣлъ, сталъ такой огромный, какъ домъ, ужъ ему лѣнь повернуться: валяется въ пещерѣ весь день, а вечеромъ проснется и крикнетъ:

— Эй ты, мужичокъ, иди-ка сюда, да живѣе, я тебя сейчасъ буду ѣсть.

— Иду, ваша милость, иду,—покорно отзывался несчастный.—Вотъ онъ я, весь предъ тобою! Кушай меня на здоровье!

И жилъ бы великанъ Корморанъ тысячу лѣтъ до сегодня и съѣлъ бы и меня и тебя, если бы не маленькій мальчикъ, котораго звали Джекъ.

Джекъ былъ смѣлый, никого не боялся; онъ рѣшилъ наказать великана, отрубить ему голову, чтобъ не смѣлъ никого обижать.

Такой маленькій, какъ же онъ справится съ этакимъ огромнымъ чудовищемъ! Да великанъ его пальцемъ раздавитъ, дунетъ на него—и конецъ: Джекъ улетитъ, какъ пылинка!

И все же Джекъ спозаранку, чуть свѣтъ, когда всѣ еще спали, взялъ отцову большую лопату, пробрался тихомолкомъ къ пещерѣ, гдѣ жилъ великанъ, и сталъ тутъ же, у самаго входа, копать большую, глубокую яму. Трудно было

копать: земля мерзлая, пальцы леденѣютъ, лопата вываливается, но Джекъ не унываетъ, копаетъ, копаетъ, копаетъ, копаетъ, копаетъ, не остановится ни на минуту отдохнуть.

Великанъ не спитъ. Онъ сидитъ въ пещерѣ у костра и доѣдаетъ теленка. Вотъ онъ взялъ огромное полѣно и сталъ ковырять имъ въ зубахъ. Это его зубочистка. А какіе у него страшные зубы! Торчатъ изо рта, какъ ножи.

У Джека сломалась лопата. Джекъ царапаетъ землю ногтями. Яма все шире, все глубже. Джекъ прикрылъ ее сосновыми вѣтками, а вѣтки засыпалъ снѣжкомъ,—издали и незамѣтно, что яма; кажется, что гладкая земля.

Выкопавъ яму, Джекъ страшно усталъ, но и не подумалъ объ отдыхѣ. Онъ отошелъ на нѣсколько шаговъ и крикнулъ:

— Эй ты, Корморашка, вставай, или я откушу тебѣ голову!

И кинулъ камень прямо въ лобъ великану.

Тотъ разозлился и яростно, со страшнымъ ругательствомъ, бросился за Джекомъ изъ пещеры, да бухъ въ яму, на самое дно! Онъ думалъ, что прыгаетъ на гладкую землю, а прыгнулъ въ западню, прикрытую вѣтками.

Онъ и туда и сюда, плачетъ, ругается, грозитъ кулаками, а Джекъ говоритъ ему:

— Ты самъ виноватъ. Такъ тебѣ и надо, злодѣю. Ты думалъ, можно мучить людей безнаказанно; вотъ тебѣ награда за твои злодѣянія.

И отрубилъ ему голову.

Когда въ деревнѣ узнали объ этомъ, вотъ радовались, вотъ веселились.

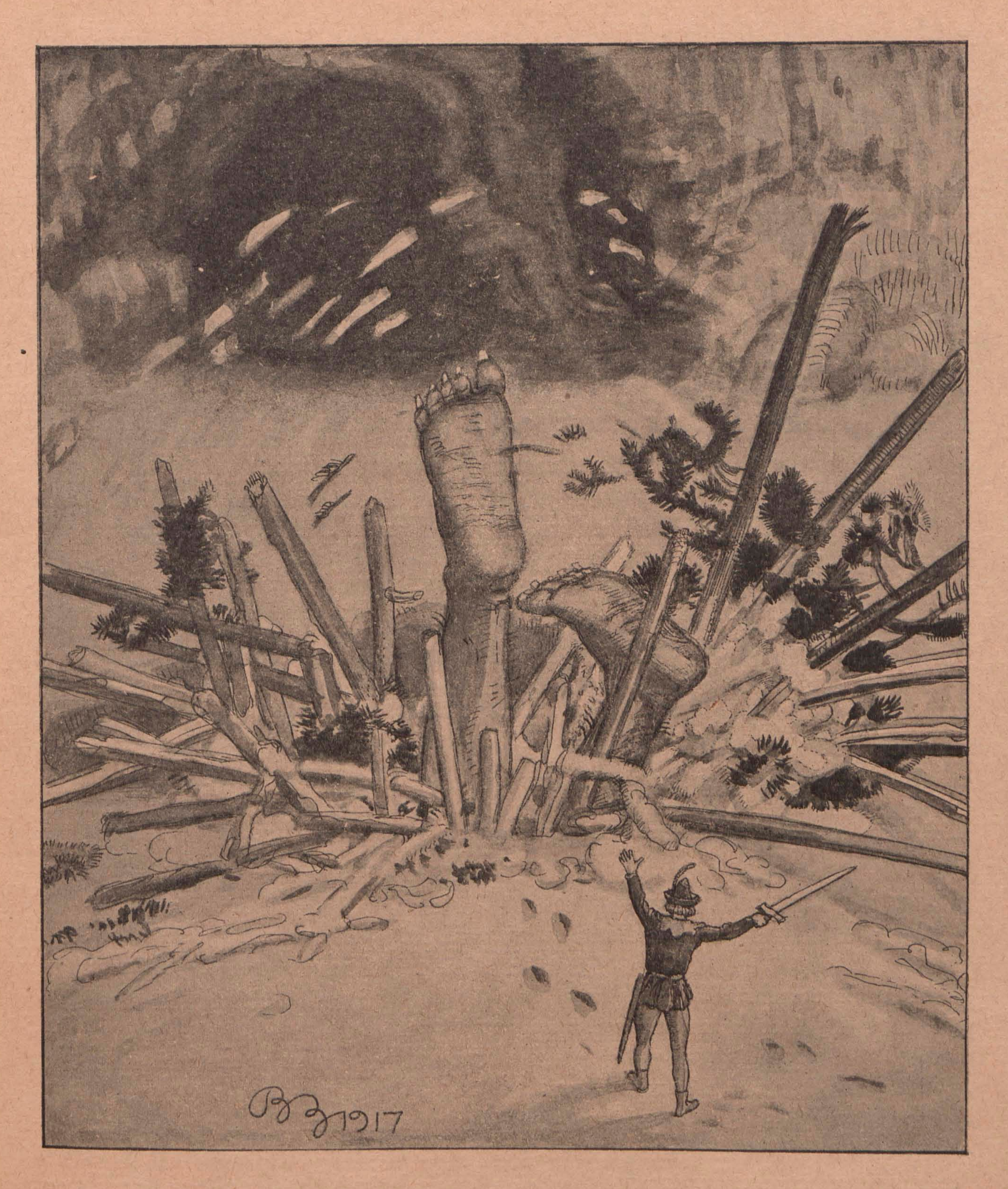
— Онъ нашъ спаситель!—говорили о Джекѣ и обнимали и цѣловали его. А дѣвушки подарили ему шелковый поясъ, на которомъ были вышиты слова:

«Самый сильный, самый смѣлый человѣкъ—
Это Джекъ.
Побѣдилъ онъ великана
Кормурана».

Джекъ опоясался этимъ шелковымъ поясомъ, наточилъ свою саблю и ушелъ путешествовать. Очень ему хотѣлось побѣдить и другихъ великановъ, которые мучатъ и терзаютъ людей. Особенно ненавистенъ ему былъ великанъ Блендерборъ, дядя Кормурана,—такой же злодѣй, какъ и племянникъ. Джекъ только о томъ и мечталъ, какъ бы побѣдить Блендербора. Но пришла весна, пришло лѣто, а Блендерборъ не попадался. Вотъ однажды, уставъ отъ духоты и жары, Джекъ кинулся въ канаву и заснулъ, а мимо, какъ нарочно, идетъ Блендерборъ. Прочиталъ Блендерборъ, что вышито у Джека на поясѣ, и задумалъ его погубить:

— Я отомщу тебѣ, негодный мальчишка, за моего милаго дядюшку.

Блендерборъ былъ не простой великанъ, а двухголовый: у него были двѣ головы—одна маленькая, другая большая. Онѣ вѣчно враждовали другъ съ дружкой и откусили бы другъ-дружкѣ носы, если бы великанъ не давалъ имъ щелчковъ. Увидя спящаго Джека, одна голова закричала, что его нужно сварить, а другая—что его нужно изжарить. Отъ злости онѣ начали стукаться лбами.

— Сварить!—кричала одна голова.

— Изжарить!—кричала другая.

Увидѣвъ, что Джекъ проснулся, онѣ сразу прикусили языки, притворились добрыми и ласковыми и вдругъ тоненькими голосками запѣли:

— Хорошо ли тебѣ, дѣточка, въ канавкѣ?
— Хорошо ли тебѣ, маленькій, на травкѣ?

— Мы тебя, голубчика, такъ любимъ.

— Приласкаемъ мы тебя и приголубимъ.

— Мы снесемъ тебя, голубчика, въ постельку.

— Мы тебя уложимъ въ колыбельку.

— Угостимъ тебя мы леденцами.

Тутъ онѣ засмѣялись и шопотомъ сказали другъ-дружкѣ:

— А потомъ покушаемъ и сами.

Онѣ думали, что онъ не слыхалъ этихъ словъ, но Джекъ отлично ихъ слышалъ. Онъ понялъ, что злодѣй Блендерборъ замышляетъ взять его къ себѣ во дворецъ—и съѣсть. Онъ попробовалъ улизнуть, но тотъ схватилъ его и сунулъ въ карманъ. Принесъ къ себѣ во дворецъ, вынулъ изъ кармана и положилъ на кровать.

— Спокойной ночи, дѣточка!—сказала одна голова.

— Пріятныхъ сновидѣній, малюточка!—сказала другая.

Обѣ онѣ ласково поклонились ему, но Джекъ слышалъ, какъ онѣ говорили за дверью: «когда этотъ мальчишка уснетъ, цокнемъ его дубиной по головѣ, положимъ въ кастрюльку и сваримъ».

— Нѣтъ, изжаримъ!

— Нѣтъ, сваримъ!

Джекъ вскочилъ на ноги и сталъ въ ужасѣ бѣгать по комнатѣ. Убѣжать бы! Но комната заперта. И вдругъ онъ придумалъ хитрую штуку. Вотъ здорово! Онъ спрячется тутъ за печкой, а на кровать положитъ, вмѣсто себя, вотъ это полѣно изъ печки: оно какъ-разъ такого роста, какъ онъ. Сказано—сдѣлано: полѣно лежитъ на кровати, Джэкъ укрываетъ его одѣяломъ, а самъ прячется за печкой и ждетъ. Вотъ послышались шаги великана, весь дворецъ задрожалъ, какъ коробочка. Въ рукахъ у великана дубина, онъ подкрался къ Джекиной кровати и какъ хлопнетъ по полѣну: разъ! разъ! Перебилъ полѣно пополамъ, а Джекъ сидитъ себѣ за печкой невредимый.

— Наконецъ-то я покончилъ съ мальчишкой!—весело сказалъ великанъ и ушелъ, а дверей не закрылъ. Джекъ пробрался къ великану въ спальню. Тотъ лежалъ на кровати и спалъ. Джекъ засунулъ руку подъ подушку и вытащилъ большой желѣзный ключъ, на которомъ было написано: *ключъ отъ подвала.* Джекъ давно уже зналъ, что у великана въ подвалѣ дворца томится въ неволѣ прекрасная принцесса Монесса; онъ побѣжалъ въ подземелье, выпустилъ принцессу на волю, а самъ скорѣй въ опочивальню и заснулъ.

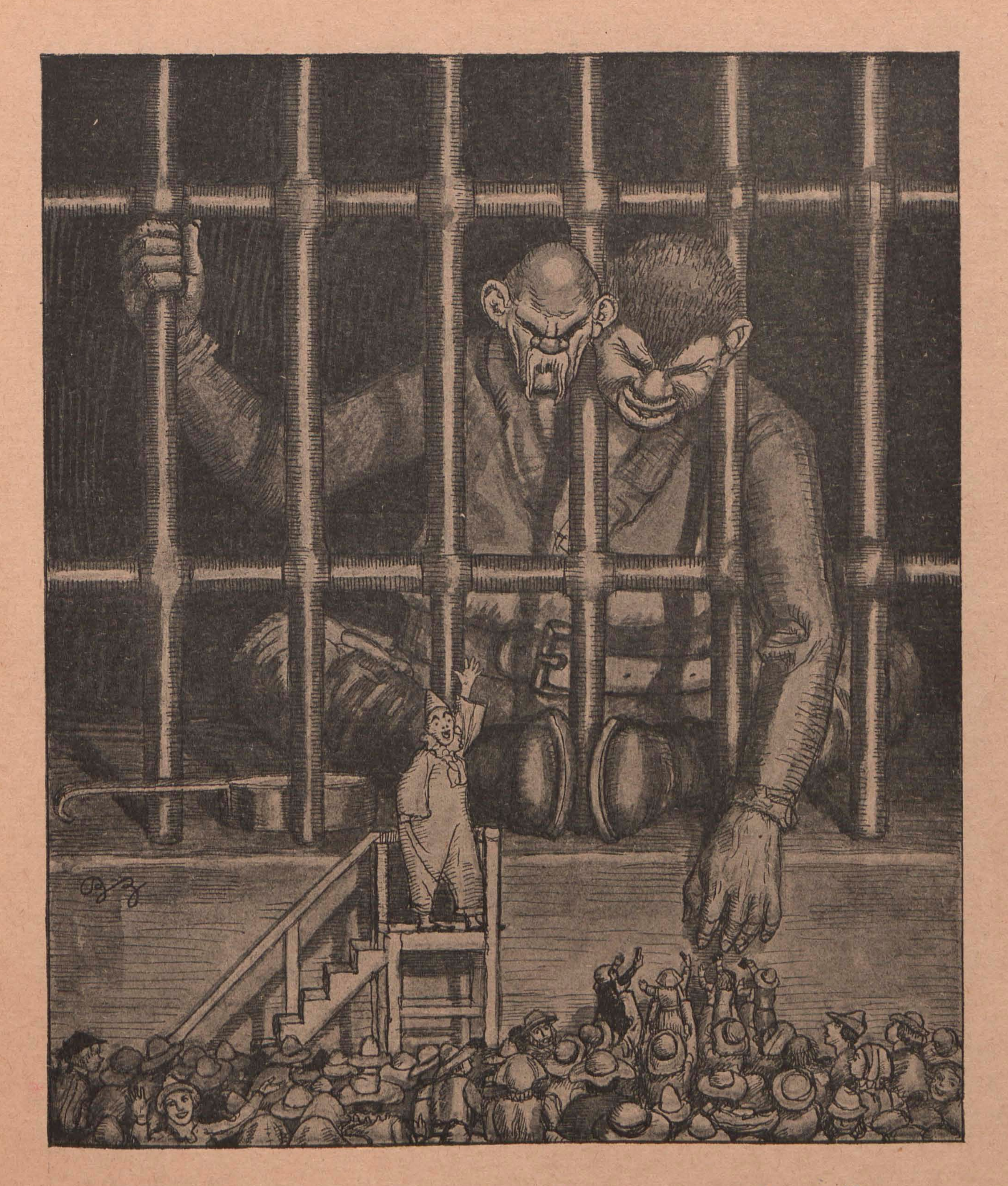
Утромъ онъ проснулся, умылся и входитъ въ покой къ великану. Великанъ какъ увидѣлъ его, задрожалъ. Неужели это Джекъ? Откуда? Вѣдь онъ самъ своею рукою раздробилъ ему черепъ дубиной:

— Ты живой! Ты не умеръ?

— Съ чего же мнѣ умирать!—сказалъ Джекъ.

— А ночью... ты не чувствовалъ ударовъ?

— Пустяки!—сказалъ Джекъ,—пробѣжала какая-то мышка, хлопнула меня по носу хвостикомъ—и убѣжала.

«Ну и силачъ!»—подумалъ великанъ.—«Не даромъ онъ побѣдилъ Корморана. Для него моя дубина—все равно что мышкинъ хвостъ. Онъ гораздо сильнѣе меня».

Пошелъ великанъ въ подземелье, а принцессы Монессы нѣтъ: Джекъ освободилъ ее изъ плѣна. «Должно быть, этотъ Джекъ чародѣй»,—подумалъ великанъ, оторопѣвъ; побѣжалъ къ Джеку, да бухъ на колѣни:

— Не погуби, пощади, больше не буду, ей-Богу.

— Не божись!—сказалъ Джекъ,—я и такъ тебѣ вѣрю. Встань, я дарю тебѣ жизнь. Но помни: если ты обидишь хоть одного человѣка, я отрублю тебѣ обѣ твои головы.

И повелъ великана въ городъ. Тотъ шелъ за нимъ, какъ маленькій ребенокъ. Джекъ привелъ его на ярмарку къ содержателю цирка, который посадилъ его въ клѣтку и сталъ показывать дѣтямъ. Дѣти очень полюбили великана, кормили его сахаромъ, изюмомъ, гладили его по головамъ.

А Джека позвалъ къ себѣ старый король, отецъ прекрасной принцессы Монессы.

— Ты спасъ мою дочь,—сказалъ онъ.—Возьми же ее себѣ въ жены.

Но Джекъ отвѣтилъ:

— Спасибо, не надо. Не охота мнѣ жениться на принцессѣ. Я женюсь на свинопасовой дочкѣ.

Вотъ была свадьба! Пировали всю ночь, а потомъ пошли къ великановой клѣткѣ и стали кормить великана пряниками.

Пересказалъ К. Чуковскій.

О ГЛУПОМЪ ЦАРѢ

НОРВЕЖСКАЯ СКАЗКА. РИСУНКИ В. ХОДАСЕВИЧЪ. ПЕРЕСКАЗЪ К. ЧУКОВСКАГО.

илъ-былъ Петеръ, безъ отца, безъ матери. Онъ варилъ себѣ кашу. Вдругъ видитъ: идетъ къ нему царь. Вздумалъ Петеръ подшутить надъ царемъ: вытащилъ изъ печки котелъ, въ которомъ варилась каша, поставилъ котелъ на полъ, а самъ сѣлъ у котла и запѣлъ:

— Варись, моя каша,
Безъ огня, безъ жару,
Для мышатъ, для котятъ,
Для мохнатыхъ чертенятъ.

Царь вошелъ въ избу и удивился:

— Что это ты, Петеръ, сидишь на полу?

— Кашу варю,—отвѣчаетъ Петеръ.—Видишь, булькаетъ, сейчасъ закипитъ.

— А гдѣ же огонь? гдѣ же печка?

— А я безъ огня,—отвѣчаетъ Петеръ.—Поставлю ее на полъ, и кипитъ. На огнѣ всякій дуракъ сваритъ кашу, а ты попробуй, свари безъ огня!

*

— Безъ огня!

— Смотри самъ.

Сѣлъ царь на корточки, смотритъ: каша и вправду кипитъ—булькаетъ въ горячемъ котлѣ!

Сунулъ царь палецъ, обжегся.

— Вотъ такъ чудо!—удивляется царь.—Что это у тебя за чудесный котелъ?

— Заколдованный!—отвѣчаетъ Петеръ.—Сыпь въ него что хочешь, ставь его на голой землѣ, все сваритъ, и печки не надо.

У царя отъ жадности даже слюна потекла. Ласково посмотрѣлъ онъ на Петера:

— Продай мнѣ, Петруша, этотъ котелъ.

— Нѣтъ, не продамъ, не могу. Не охота мнѣ за дровами ходить.

— Ну, пожалуйста.

— Нѣтъ, ни за что.

Долго упрашивалъ царь. Наконецъ Петеръ согласился. Высыпалъ кашу въ горшокъ, подалъ царю пустой котелъ и сказалъ:

— Сыпь сюда золота до самаго верху. Золото—мнѣ, а котелъ—тебѣ.

Царь отвалилъ ему золота, схватилъ котелокъ и бѣгомъ.

Прибѣжалъ во дворецъ, созвалъ своихъ вельможъ и говоритъ:

— Вотъ сейчасъ я угощу васъ обѣдомъ, какого вы не ѣли никогда!

Вельможи обрадовались: они были очень голодные.

Царь поставилъ котелъ посрединѣ дворца, навалилъ туда сала, картошки, налилъ воды, накрылъ крышкой и ждетъ, что вотъ-вотъ закипитъ. Ходитъ надъ котломъ и улыбается.

Вельможи улыбаются тоже: давно они не ѣли картошки.

Но проходитъ часъ, проходитъ два, а картошка и не думаетъ вариться. Вода въ котлѣ ледяная-холодная.

Царь поминутно подбѣгаетъ къ котлу, трогаетъ его справа и слѣва, а котелъ холоднѣе, чѣмъ былъ.

Вельможи съ голоду хмурятся, дуются: не доведется имъ сегодня обѣдать.

Люди заглядываютъ въ окна дворца и гогочутъ.

Понялъ царь, что Петеръ насмѣялся надъ нимъ,—какъ подбѣжитъ къ котлу, какъ ткнетъ его со всего размаха ногой, картошка такъ и разсыпалась по полу, а самъ замахалъ кулаками и безъ шапки—бѣгомъ—прямо къ Петеру.

— Вотъ я тебѣ покажу! Погоди!

II.

А Петеръ взялъ пистолетъ, зарядилъ его клюквой и сказалъ своей сестрѣ Катеринѣ:

— Я ложусь спать. И смотри, чтобы меня не будили. Кто разбудитъ, того застрѣлю.

Легъ на кроватъ и храпитъ.

Тутъ вбѣжалъ въ избу царь, разъяренный. Машетъ руками, оретъ:

— Гдѣ этотъ обманщикъ? Гдѣ злодѣй?

— Тише, ваша милость, мой братъ почиваетъ,—шопотомъ говоритъ Катерина.—Пожалуйста, не будите его.

— Разбудить негодяя сію же минуту!—заревѣлъ иступленный царь.

— Рада бы, да не смѣю: убьетъ.

— А не разбудишь, такъ убью тебя я!

Нечего дѣлать, подошла Катерина къ кровати и крикнула:

— Петеръ, вставай!

Вскочилъ Петеръ на ноги и хлопъ!—выстрѣлилъ въ сестру изъ пистолета, Сестра такъ и грохнулась на полъ. Изъ раны у нея хлынула кровь: на самомъ дѣлѣ то была не кровь, а клюквенный сокъ, потому что Петеръ зарядилъ свой пистолетъ не пулей, а клюквой,—но царь не зналъ объ этомъ и завопилъ:

— Что ты надѣлалъ? Убійца! Ты убилъ свою родную сестру!

— Не бѣда! Не безпокойся,—сказалъ Петеръ.—Я могу ее и воскресить.

— Да вѣдь она умерла!

— Ну такъ что жъ. Вотъ смотри: я достаю изъ кармана волшебную дудочку. играю на ней тра-та-та, и сестра моя поднимается съ полу и танцуетъ, какъ ни въ чемъ не бывало.

Онъ заигралъ тра-та-та и лукаво подмигнулъ своей сестрѣ.

Та вскочила и пошла танцовать.

— Продай эту волшебную дудочку мнѣ,—взмолился одураченный царь.

Долго не соглашался Петеръ, наконецъ продалъ царю самодѣлковую камышевую дудочку за тысячу тысячъ рублей.

Царь сунулъ дудку въ карманъ и весело побѣжалъ во дворецъ. А навстрѣчу ему царица, сварливая, злая старуха. Стала она кричать на царя, вцѣпилась ему въ бороду, отхлестала его по щекамъ; онъ разозлился, схватилъ пистолетъ и хлопъ изъ пистолета въ нее.

Царица такъ и грохнулась наземь.

— Что вы надѣлали?—закричали вельможи.—Вы застрѣлили царицу!

— Не бѣда,—отвѣчаетъ царь,—пустяки. Я могу вѣдь ее воскресить.

— Да она умерла!

— Ну такъ что же? Вотъ смотрите: я достаю изъ кармана волшебную дудочку, играю на ней тра-та-та... и царица поднимается съ полу.

Но какъ онъ ни старался, какъ ни дулъ, мертвая лежала и не двигалась. У царя чуть не лопнули щеки, чуть не выскочили глаза изо лба, такъ онъ сильно дулъ въ свою дудку, а убитая жена не воскресла.

Понялъ царь, что Петеръ опять насмѣялся надъ нимъ, и въ бѣшенствѣ бросился къ Петеру.

А Петеръ стоитъ на порогѣ избы, ухмыляется.

— Связать этого молодца!—крикнулъ царь.—И посадить его въ бочку! Пусть знаетъ, какъ смѣяться надо мною.

Вельможи схватили Петера, поволокли его на высокую гору, посадили въ дубовый боченокъ, наглухо заколотили и ушли.

Завтра, чуть свѣтъ, придетъ царь—и толкнетъ его ногою прямо въ море! Но Петеръ и не думаетъ плакать. Онъ весело и лихо поетъ:

— Какъ я радъ, какъ я радъ,
Что вы всѣ пойдете въ адъ.
Я же въ небо укачу,
Прямо въ рай улечу.

Шелъ мимо богатый старикъ. Смолоду онъ былъ большой грѣшникъ и зналъ, что не миновать ему ада. А ему, конечно, хотѣлось въ рай. Онъ только

и думалъ о томъ, какъ бы попасть ему въ рай. Услышалъ онъ Петерину пѣсню подошелъ къ боченку и спрашиваетъ:

— А откуда ты знаешь, что попадешь въ рай?

— Развѣ ты не видишь,—отзывается Петеръ,—что этотъ боченокъ волшебный. Онъ сдѣланъ изъ райскаго дерева. Посади въ него самаго лютаго грѣшника, и тотъ полетитъ прямо въ рай. Я нарочно залѣзъ въ него, чтобы очутиться въ раю.

— Да не можетъ быть!—закричалъ грѣшникъ, и даже руки у него задрожали.—Пусти меня въ эту бочку.

— Что ты, что ты!—возражаетъ Петеръ.—Боченокъ тѣсный, не помѣститься вдвоемъ.

— Ну такъ, голубчикъ, выходи изъ боченка. Я дамъ тебѣ все, что захочешь.

— Что же ты дашь?

Старикъ былъ богаче царя. Онъ выпустилъ Петера изъ бочки и далъ Петеру всѣ свои сады и дворцы, всѣхъ своихъ слоновъ и верблюдовъ—и съ радостью залѣзъ въ бочку самъ:

— Скоро я буду въ раю.

Петеръ забилъ его наглухо и, спрятавшись за кусточкомъ, видѣлъ, какъ утромъ, чуть свѣтъ, прибѣжалъ въ одномъ халатикѣ царь, толкнулъ бочку ногой, и бочка покатилась прямо въ море.

— Наконецъ-то я покончилъ съ Петеромъ! — радостно сказалъ царь и побѣжалъ обратно во дворецъ.

Прибѣгаетъ къ крыльцу, а у крыльца стоитъ слонъ. На слонѣ сидитъ Петеръ и уплетаетъ разсыпчатый крендель.

Царь такъ удивился, что даже ротъ отъ удивленія разинулъ.

— Откуда ты взялся, Петеръ? Откуда у тебя этотъ слонъ?

— А съ морского дна,—отвѣчаетъ Петеръ.—Тамъ слоновъ безъ счету, бери, сколько хочешь.

— Да не можетъ быть!

— Ну, конечно. Кто же этого не знаетъ! Тамъ, подъ водою, сидитъ царь Элефантъ, онъ велѣлъ тебѣ кланяться и зоветъ тебя къ себѣ погостить. Онъ дастъ тебѣ слона какого хочешь: зеленаго, синяго, розоваго.

Царь даже подпрыгнулъ отъ радости. Онъ былъ очень жадный и любилъ, когда ему дарили слоновъ.

— Милый Петеръ, посади меня скорѣе въ бочку, я ѣду къ морскому царю.

И бросился бѣгомъ на высокую гору и самъ залѣзъ въ бочку, но, какъ ни сжимался, ни ежился, бочка была для него слишкомъ мала. Корона торчала наружу и мѣшала царю помѣститься въ бочкѣ. Тогда онъ снялъ корону, надѣлъ на Петера и сказалъ:

— Носи ее, пока не вернусь. Да смотри, чтобы она не пропала.

— Не бойсь, не пропадетъ!—отвѣчалъ ему Петеръ, толкнулъ бочку сапогомъ и ушелъ.

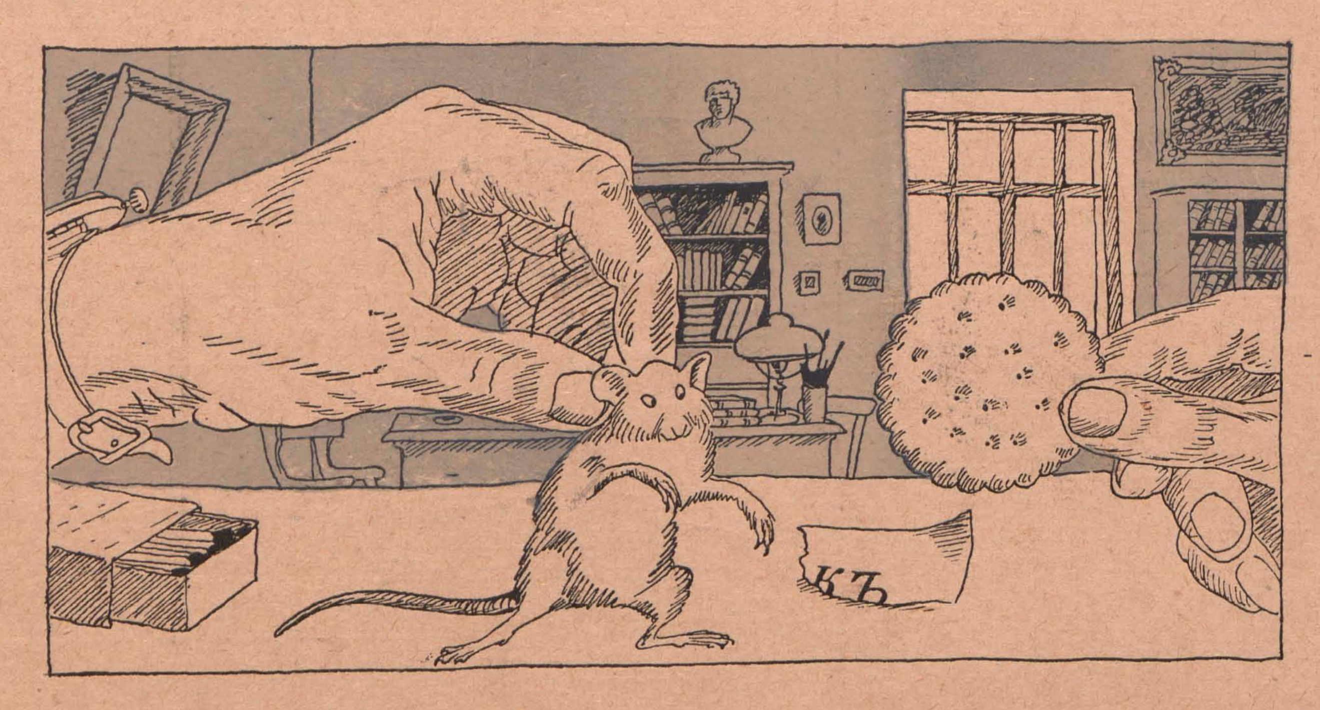
Люди увидѣли Петера въ коронѣ и закричали: «онъ царь!»

И сталъ Петеръ царемъ, и всѣ радовались, что избавились отъ глупаго царя.

Особенно ликовали вельможи: давно они не ѣли картошки.

Пересказалъ **К. Чуковскій.**

РАЗГОВОРЪ ЧЕЛОВѢКА СЪ МЫШКОЙ, КОТОРАЯ ѢСТЪ ЕГО КНИГИ

Мой милый Книжникъ, ты совсѣмъ
Опять изгрызъ два тома. Ловокъ!
Не стыдно ль пользоваться тѣмъ,
Что не люблю я мышеловокъ?

Хоть бы съ меня примѣръ ты бралъ!
Я день-денской читаю книжки,
Но развѣ ты хоть разъ видалъ,
Что я грызу ихъ, какъ коврижки?

Изъ книгъ мы знаемъ, какъ живутъ
Индѣйцы, негры, эскимосы;
Въ журналахъ люди задаютъ
Другъ другу умные вопросы:

Гдѣ путь въ Америку лежитъ?
Какъ ближе: моремъ или сушей?
Ну, словомъ,—вотъ тебѣ бисквитъ,
А книгъ пожалуйста не кушай.

Владиславъ Ходасевичъ.

Блошки

Веселенькія блошки,
Двѣ блошки-быстроножки,
Сегодня поутру
Затѣяли игру...

Играли, танцовали,
Ныряли въ одѣялѣ,
И скокъ себѣ да скокъ
На Викушкинъ чулокъ...

Лежалъ чулокъ на стулѣ—
Здѣсь блошки отдохнули...
И дальше прыгъ-прыгъ
На нянинъ воротникъ...

Вотъ здѣсь пошло веселье:
На ухо нянѣ сѣли,
И ну играть-скакать
На сѣденькую прядь!..

Смѣются и хохочутъ
Ей за-ухомъ щекочутъ...

Вдругъ...
Караулъ!
Няня—за ухо
(Ишь ты, старуха!)
Блошекъ—ловить!
Хватать! Давить!
А тѣ—изъ-подъ рукъ
Да на стулъ
Подъ чулокъ—
И... молчокъ!..

Натанъ Венгровъ.

*

ЗВѢРИ ДЛЯ ХОРОШИХЪ ДѢТЕЙ.

ЗВѢРИ ДЛЯ НЕХОРОШИХЪ ДѢТЕЙ.

КАКЪ ПРОПАЛА БАБА-ЯГА

СКАЗКА Н. ЛЮБАВИНОЙ, ИЛЛ. Б. ПОПОВА.

Жила-была Баба-Яга. Злющая. Жила она одна въ высокой башнѣ.

Пуще всего не любила она маленькихъ дѣтей. Увидятъ ее дѣти, и ну плакать, а она ихъ цапъ-царапъ! И съѣстъ. Не терпѣла Баба-Яга дѣтскаго плача.

Вотъ однажды пришелъ къ башнѣ маленькій мальчикъ. Былъ онъ весь кругленькій, точно апельсинъ. И щеки у него были красныя, какъ два королька.

Видитъ мальчикъ: въ окошкѣ Баба-Яга сидитъ, а около нея котъ вертится. Не долго думая, взлѣзъ мальчикъ на башню.

Посмотрѣлъ онъ на Бабу-Ягу. Увидѣлъ, что у нея на концѣ носа волосокъ завивается, да какъ начнетъ смѣяться, такъ что даже на полъ отъ смѣха свалился. И катается по полу, смѣется и катается.

Хочетъ Баба-Яга схватить его,—а мальчикъ у нея изъ-подъ рукъ катится, какъ апельсинъ.

Она за нимъ, а онъ смѣется, и дальше.

Она за нимъ, а онъ еще дальше.

А за ними, за обоими, котъ вприпрыжку...

Ловила Баба-Яга мальчика, ловила да и сама давай смѣяться. Насмѣявшись вдоволь, всталъ мальчикъ, подошелъ къ Бабѣ-Ягѣ и говоритъ:

— Какая ты Баба-Яга?! Смѣешься! Я тебя не боюсь!

Сунулъ руки въ карманы и пошелъ.

— Нѣтъ никакой Бабы-Яги!

Перестали съ тѣхъ поръ дѣти бояться Бабы-Яги. Что это за Яга—смѣшная! Заросли дорожки къ ея башнѣ. Сама башня пропала, а Баба-Яга большой зеленой птицей улетѣла за тридевять морей въ тридесятое царство.

МОЯ УЧИТЕЛЬНИЦА

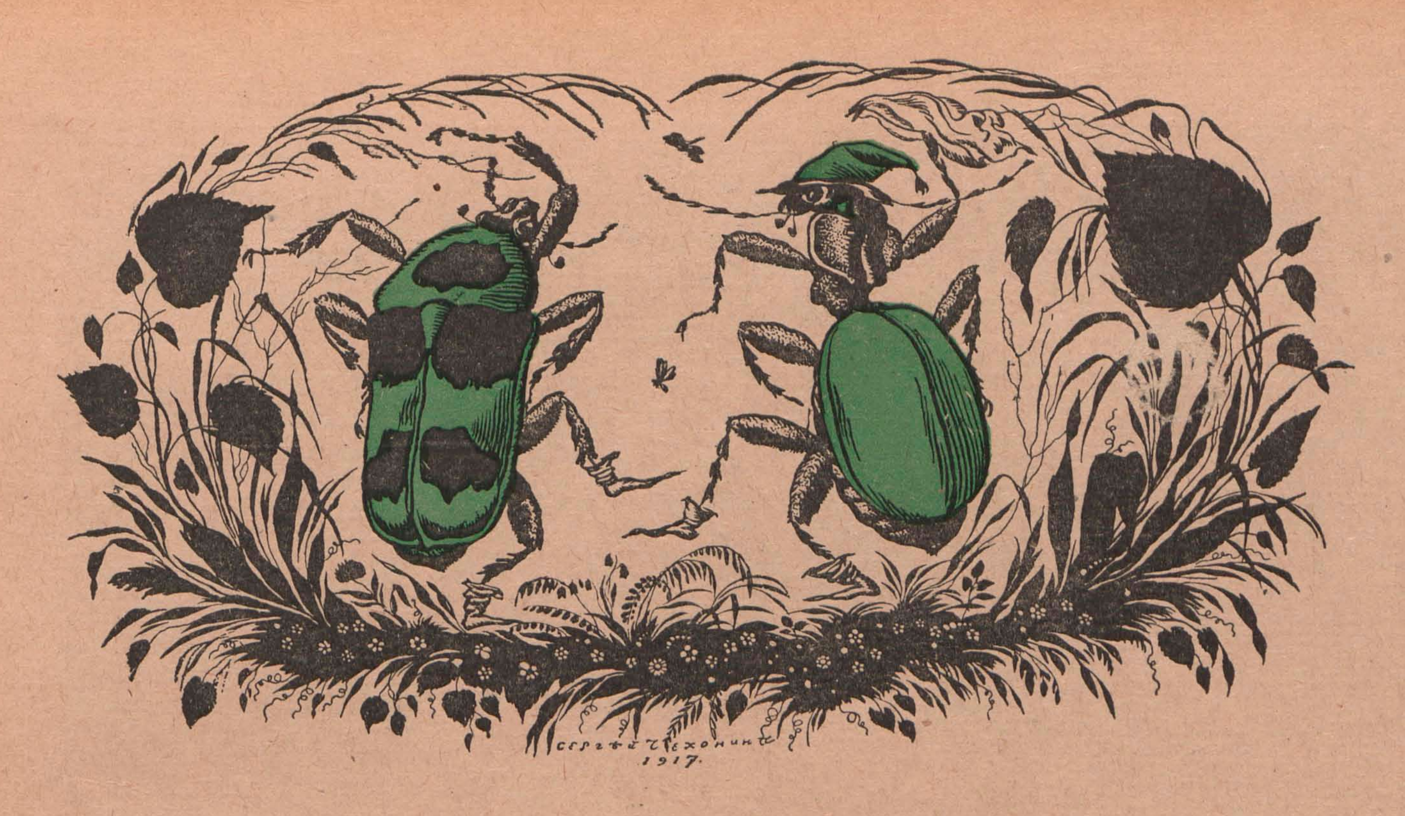
Погляди, какая злючка!
Носъ, какъ закорючка!
На затылкѣ—хвостъ мышиный!
Зубы—въ три аршина!
Только и знаетъ,—
Шпыняетъ:

— Котенка не гладь!
— Мухъ не считай!
— Пиши въ тетрадь
Слова на «ять»!
— Читай! Читай! Читай! Читай!

А мнѣ бы на дворъ, да въ рощицу!
А на солнцѣ утенокъ полощется...
А въ окошко
Кошка
Пробирается.

А она опять придирается:
— Въ окно не гляди!
— Подъ столъ не лѣзь!
— Сиди
Здѣсь!
У.... у! Противная!

С. Дубнова и Н. Венгровъ.

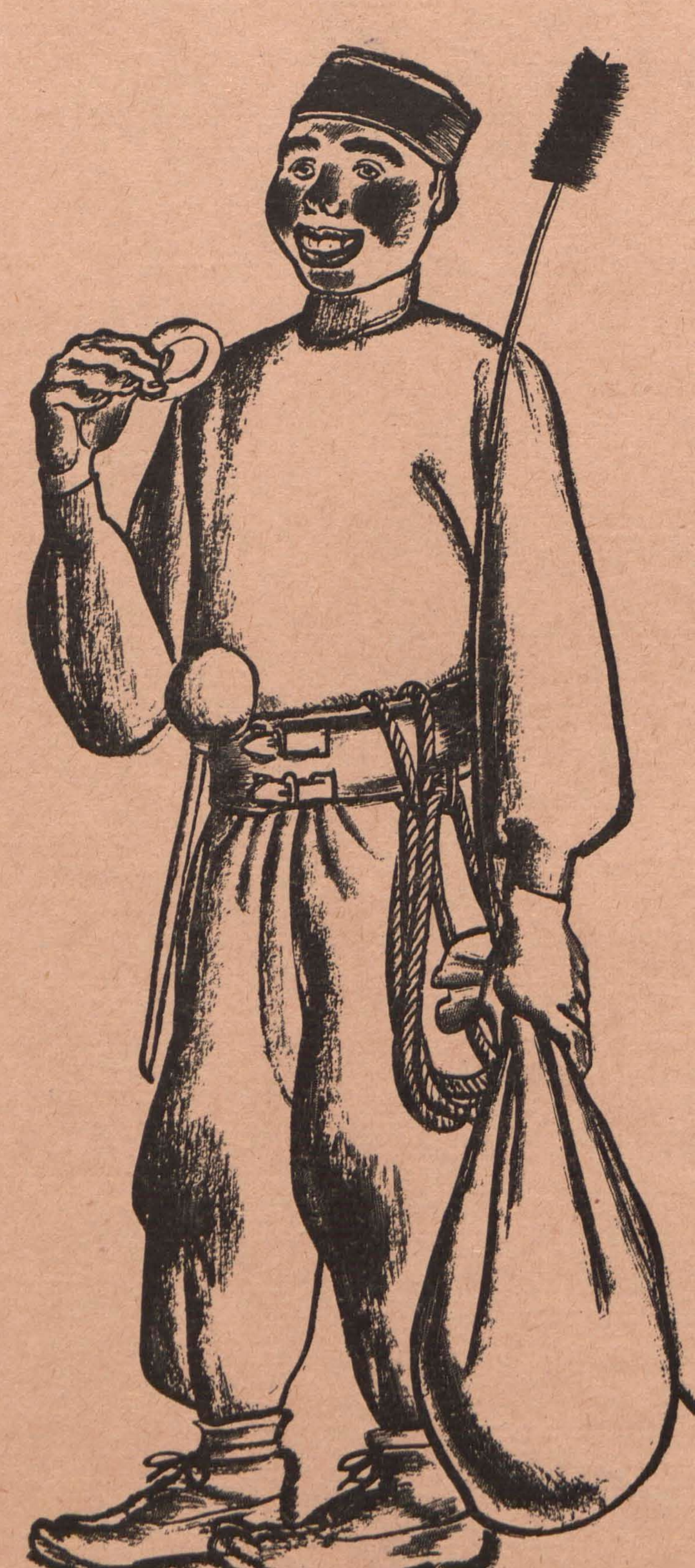
Два Жука

Жили-были два жука,
Два жука.
Жизнь у нихъ была легка:
Пляшутъ, взявшись за бока,
Полевого трепака,
Дразнятъ осъ и паука.
Ничегошеньки не боятся,
Все жужжатъ и веселятся—
Два жука.

Два жука веселыхъ
Въ зеленыхъ камзолахъ,
Въ красныхъ сапожкахъ
На тоненькихъ ножкахъ.

Марія Моравская.

Трубочистъ

Кто пришелъ? Трубочистъ.
Для чего? Чистить трубы.
Чернощекій, бѣлозубый,
А въ рукѣ огромный хлыстъ...

Сбоку ложка, какъ для супа.
Кто навралъ, что онъ—злодѣй?
Въ свой мѣшокъ кладетъ дѣтей?
Это очень даже глупо!

Онъ совсѣмъ, совсѣмъ не страшный:
Сажу высыпалъ на жесть,
Бубликъ вытащилъ вчерашній—
Будетъ ѣсть.

Рано утромъ на разсвѣтѣ
Онъ встаетъ и кофе пьетъ,
Чиститъ пятна на жилетѣ,
Куритъ и поетъ.

Видишь, вотъ беретъ онъ шапку.
Улыбнулся. Видишь, да?
Дай ему скорѣе лапку!
Сажу смоешь,—не бѣда.

Саша Черный.

ПРО ИВАНУШКУ ДУРАЧКА

РУССКАЯ НАРОДНАЯ СКАЗКА

Жилъ-былъ Иванушка-Дурачокъ, собою красавецъ, а что ни сдѣлаетъ, все у него смѣшно выходитъ не такъ, какъ у людей.

Нанялъ его въ работники одинъ мужикъ, а самъ съ женой собрался въ городъ; жена и говоритъ Иванушкѣ:

*

— Останешься ты съ дѣтьми, гляди за ними, накорми ихъ!

— А чѣмъ?—спрашиваетъ Иванушка.

— Возьми воды, муки, картошки, покроши да свари—будетъ похлебка!

Мужикъ приказываетъ:

— Дверь стереги, чтобы дѣти въ лѣсъ не убѣжали!

Уѣхалъ мужикъ съ женой; Иванушка влѣзъ на полати, разбудилъ дѣтей, стащилъ ихъ на полъ, самъ сѣлъ сзади ихъ и говоритъ:

— Ну, вотъ, я гляжу за вами!

Посидѣли дѣти нѣкоторое время на полу,—запросили ѣсть; Иванушка втащилъ въ избу кадку воды, насыпалъ въ нее полмѣшка муки, мѣру картошки, разболталъ все коромысломъ и думаетъ вслухъ:

— А кого крошить надо?

Услыхали дѣти,—испугались:

— Онъ, пожалуй, насъ искрошитъ!

И тихонько убѣжали вонъ изъ избы.

Иванушка посмотрѣлъ вслѣдъ имъ, почесалъ затылокъ,—соображаетъ:

— Какъ же я теперь глядѣть за ними буду? Да еще дверь надо стеречь, чтобы она не убѣжала!

Заглянулъ въ кадушку и говоритъ:

— Варись, похлебка, а я пойду за дѣтьми глядѣть!

Снялъ дверь съ петель, взвалилъ ее на плечи себѣ и пошелъ въ лѣсъ; вдругъ навстрѣчу ему Медвѣдь шагаетъ—удивился, рычитъ:

— Эй, ты, зачѣмъ дерево въ лѣсъ несешь?

Разсказалъ ему Иванушка, что съ нимъ случилось,—Медвѣдь сѣлъ на заднія лапы и хохочетъ:

— Экой ты дурачокъ! Вотъ я тебя съѣмъ за это!

А Иванушка говоритъ:

— Ты лучше дѣтей съѣшь, чтобъ они въ другой разъ отца-матери слушались, въ лѣсъ не бѣгали!

Медвѣдь еще сильнѣй смѣется, такъ и катается по землѣ со смѣху!

— Никогда такого глупаго не видалъ! Пойдемъ, я тебя женѣ своей покажу!

Повелъ его къ себѣ въ берлогу. Иванушка идетъ, дверью за сосны задѣваетъ.

— Да брось ты ее!—говоритъ Медвѣдь.

— Нѣтъ, я своему слову вѣренъ: обѣщалъ стеречь, такъ ужъ устерегу!

Пришли въ берлогу. Медвѣдь говоритъ женѣ:

— Гляди, Маша, какого я тебѣ дурачка привелъ! Смѣхота!

А Иванушка спрашиваетъ Медвѣдицу:

— Тетя, не видала ребятишекъ?

— Мои—дома, спятъ.

— Ну-ка, покажи, не мои ли это?

Показала ему Медвѣдица трехъ медвѣжатъ; онъ говоритъ:

— Не эти, у меня двое было.

Тутъ и Медвѣдица видитъ, что онъ глупенькій, тоже смѣется:

— Да вѣдь у тебя человѣчьи дѣти были!

— Ну, да,—сказалъ Иванушка,—разберешь ихъ, маленькихъ-то, какіе чьи!

— Вотъ забавный!—удивилась Медвѣдица и говоритъ мужу:

— Михайло Потапычъ, не станемъ его ѣсть, пусть онъ у насъ въ работникахъ живетъ!

— Ладно,—согласился Медвѣдь,—онъ хоть и человѣкъ, да ужъ больно безобидный!

Дала Медвѣдица Иванушкѣ лукошко, приказываетъ:

— Поди-ка, набери малины лѣсной,—дѣтишки проснутся, я ихъ вкусненькимъ угощу!

— Ладно, это я могу!—сказалъ Иванушка.—А вы дверь постерегите!

Пошелъ Иванушка въ лѣсной малинникъ, набралъ малины полное лукошко, самъ досыта наѣлся, идетъ назадъ къ Медвѣдямъ и поетъ во все горло:

— Эхъ, какъ неловки
Божія коровки!
То ли дѣло—муравьи
Или ящерицы!

Пришелъ въ берлогу, кричитъ:

— Вотъ она, малина!

Медвѣжата подбѣжали къ лукошку, рычатъ, толкаютъ другъ друга, кувыркаются,—очень рады!

А Иванушка, глядя на нихъ, говоритъ:

— Эх-ма, жаль, что я не Медвѣдь, а то и у меня дѣти были бы!

Медвѣдь съ женой хохочутъ.

— Ой, батюшки мои!—рычитъ Медвѣдь—да съ нимъ жить нельзя, со смѣху помрешь!

— Вотъ что,—говоритъ Иванушка,—вы тутъ постерегите дверь, а я пойду ребятишекъ искать, не то хозяинъ задастъ мнѣ!

А Медвѣдица проситъ мужа:

— Миша, ты бы помогъ ему!

— Надо помочь,—согласился Медвѣдь,—ужъ очень онъ смѣшной!

Пошелъ Медвѣдь съ Иванушкой лѣсными тропами, идутъ—разговариваютъ по-пріятельски:

— Ну и глупый же ты!—удивляется Медвѣдь, а Иванушка спрашиваетъ его:

— А ты—умный?

— Я-то?

— Ну да!

— Не знаю.

— И я не знаю. Ты—злой?

— Нѣтъ. Зачѣмъ?

— А по-моему—кто золъ, тотъ и глупъ. Я, вотъ, тоже не злой. Стало быть, оба мы съ тобой не дураки будемъ!

— Ишь ты, какъ вывелъ!—удивился Медвѣдь.

Вдругъ—видятъ: сидятъ подъ кустомъ двое дѣтей, уснули.

Медвѣдь спрашиваетъ:

— Это твои, что ли?

— Не знаю,—говоритъ Иванушка,—надо ихъ спросить. Мои—ѣсть хотѣли.

Разбудили дѣтей, спрашиваютъ:

— Хотите ѣсть?

Тѣ кричатъ:

— Давно хотимъ!

— Ну,—сказалъ Иванушка,—значитъ, это и есть мои! Теперь я поведу ихъ въ деревню, а ты, дядя, принеси, пожалуйста, дверь, а то самому мнѣ некогда, мнѣ еще надобно похлебку варить!

— Ужъ ладно!—сказалъ Медвѣдь.—Принесу!

Идетъ Иванушка сзади дѣтей, смотритъ за ними въ землю, какъ ему приказано, а самъ поетъ:

— Эхъ, вотъ такъ чудеса!
Жуки ловятъ зайца.
Подъ кустомъ сидитъ лиса,
Очень удивляется!

Пришелъ въ избу, а ужъ хозяева изъ города воротились, видятъ: посреди избы кадушка стоитъ, доверху водой налита, картошкой насыпана да мукой, дѣтей нѣтъ, дверь тоже пропала,—сѣли они на лавку и плачутъ горько.

— О чемъ плачете?—спросилъ ихъ Иванушка.

Тутъ увидали они дѣтей, обрадовались, обнимаютъ ихъ, а Иванушку спрашиваютъ, показывая на его стряпню въ кадкѣ:

— Это чего ты надѣлалъ?

— Похлебку!

— Да развѣ такъ надо?

— А я почему знаю—какъ?

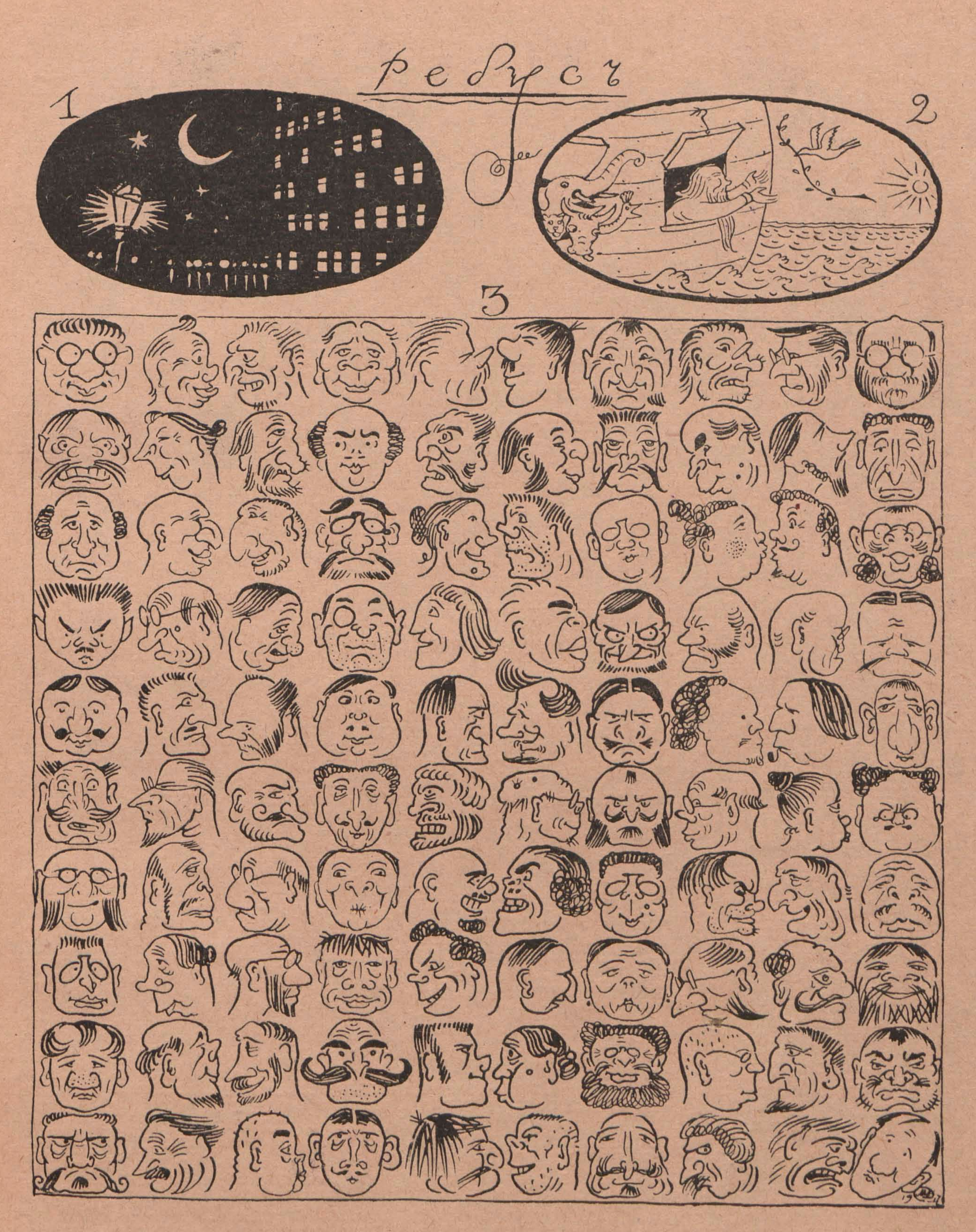
— А дверь куда дѣвалась?

— Сейчасъ ее принесутъ,—вотъ она!

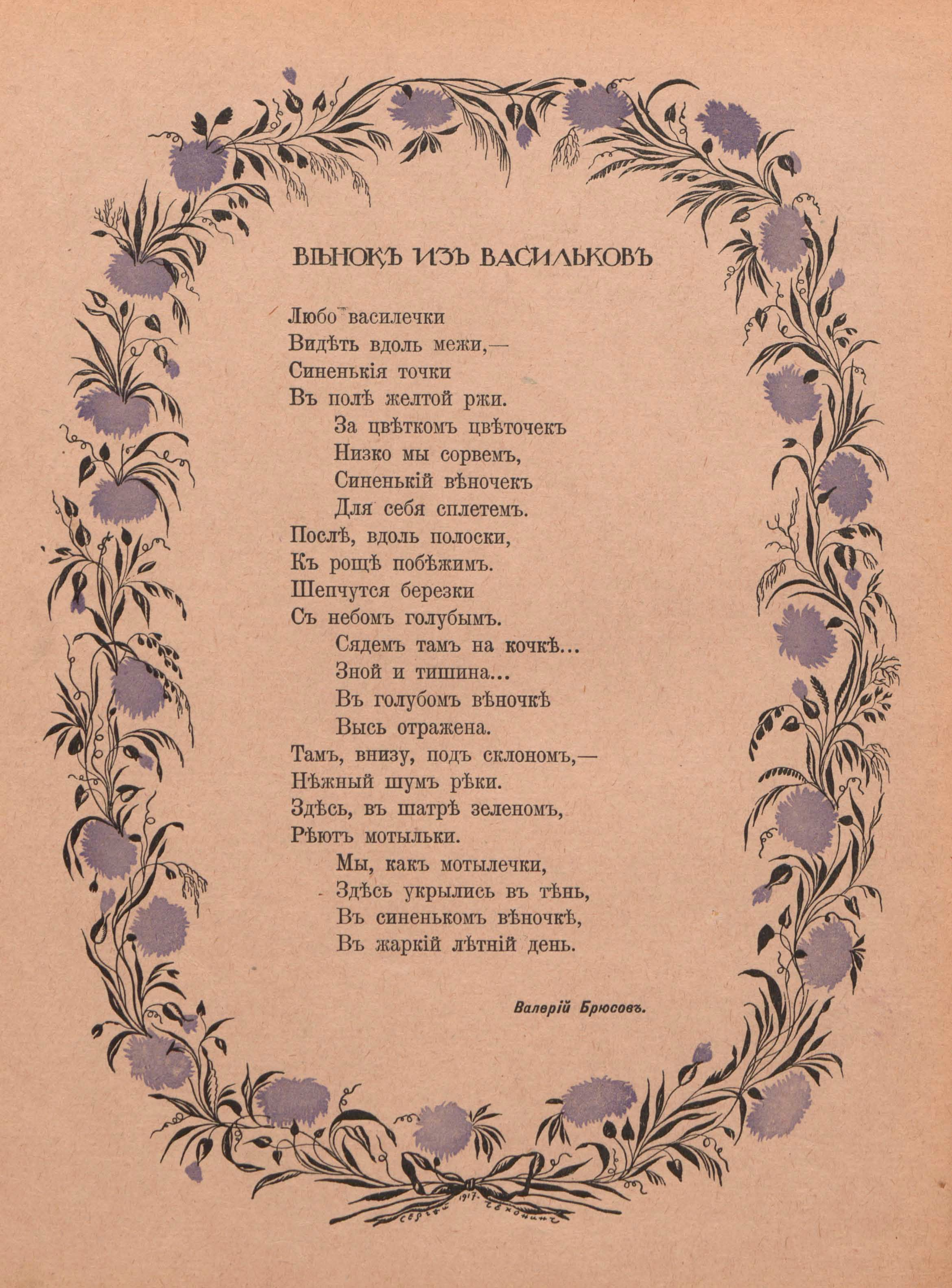
Выглянули хозяева въ окно, а по улицѣ идетъ Медвѣдь, дверь тащитъ, народъ отъ него во всѣ стороны бѣжитъ, на крыши лѣзутъ, на деревья; собаки испугались—завязли, со страху, въ плетняхъ, подъ воротами; только одинъ рыжій пѣтухъ храбро стоитъ среди улицы и кричитъ на Медвѣдя:

— Кину въ рѣку-у!...

Пересказалъ **М. Горькій.**

Разгадка этого ребуса помѣщена на страницѣ 55 ой.

ВѢНОКЪ ИЗЪ ВАСИЛЬКОВЪ

Любо василечки
Видѣть вдоль межи,—
Синенькія точки
Въ полѣ желтой ржи.
За цвѣткомъ цвѣточекъ
Низко мы сорвемъ,
Синенькій вѣночекъ
Для себя сплетемъ.
Послѣ, вдоль полоски,
Къ рощѣ побѣжимъ.
Шепчутся березки
Съ небомъ голубымъ.
Сядемъ тамъ на кочкѣ...
Зной и тишина...
Въ голубомъ вѣночкѣ
Высь отражена.
Тамъ, внизу, подъ склономъ,—
Нѣжный шумъ рѣки.
Здѣсь, въ шатрѣ зеленомъ,
Рѣютъ мотыльки.
Мы, какъ мотылечки,
Здѣсь укрылись въ тѣнь,
Въ синенькомъ вѣночкѣ,
Въ жаркій лѣтній день.

Валерій Брюсовъ.

ХОЧУ КОТЕНКА

Кто ты? бархатный медвѣдь?
Ну, и спи въ покоѣ.
А мнѣ хочется имѣть
Что-нибудь живое.

Надоѣли куклы всѣ,
Поѣздъ мой мудреный...
Будто бѣлка въ колесѣ,
Вертятся вагоны.

Пикнулъ птенчикъ заводной
Такъ противно-тонко...
Уберите все долой,
Дайте мнѣ котенка!

Марія Моравская.

ДОМИКЪ ВЪ САДУ

Въ саду было пусто. Только на полянкѣ за елками на весь садъ весело стучалъ топоръ. Стучалъ да стучалъ.

На стукъ топора изъ бѣлаго дома приплелась кошка Маргаритка. Сѣла на кучу прошлогоднихъ листьевъ и видитъ: стоитъ среди поляны рыжій плотникъ Данила и тешетъ бревна.

Обошла кошка вокругъ Данилы, обнюхала пахучую желтую щепку, которая, какъ сумасшедшая, прыгнула къ ней на носъ изъ-подъ топора,—и давай мяукать:

— Мяу-муръ, муръ-и-мяу,—я знаю, что это будетъ!

— А что, госпожа кошка?—вѣжливо спросилъ скворецъ съ березы и нагнулъ внизъ голову со своей жердочки.

— Мняу! Вамъ очень хочется знать?

— Чики-вики, очень.

— Видите ли, въ томъ бѣломъ домѣ живутъ двѣ дѣвочки...

— Розовая и бѣлая?

— Мяу, да, и у нихъ есть папа, такой огромный папа, въ два раза больше самой большой собаки. Да. Такъ вотъ этотъ папа вчера заказалъ плотнику Данилѣ для своихъ дѣвочекъ домъ...

— Чики-вики, скворешникъ?

— По-вашему скворешникъ, а по-нашему—домъ.

И вотъ—хлопъ, гдѣ-то щелкнула дверь, и съ крыльца бѣлаго дома понеслись вперегонку къ полянкѣ двѣ дѣвочки: одна въ розовомъ, поменьше, круглая, какъ колобокъ,—Тася; другая въ бѣломъ, длинненькая и худая, какъ жердочка,—Лиля.

Прибѣжали и давай прыгать вокругъ Данилы:

— Данила, Данилушка, миленькій, самый миленькій, когда же домъ будетъ готовъ?

— Черезъ мѣсяцъ.

— Ай-яй-яй! Да вы не шутите, мы серьезно васъ спрашиваемъ...

— Ну черезъ недѣлю.

Тася и Лиля посмотрѣли другъ на друга и вздохнули:

— Вотъ тебѣ разъ!

— Сегодня будетъ готово къ обѣду,—сказалъ Данила, улыбаясь въ рыжую бороду. —А что мнѣ за это будетъ?

— Все! Все, все! Все, что хотите, Данилушка!..

— Ладно. Все, такъ все.—Гупъ! гупъ!—и топоръ опять заходилъ по бревну.

Распилилъ Данила бревно на четыре куска, заострилъ концы, словно карандаши очинилъ, и вбилъ въ землю.

— Ловко!—сказала кошка,—это онъ будетъ полъ настилать.

А изъ бѣлаго дома приковылялѣ еще одинъ человѣчекъ: кухаркинъ сынокъ, Василій Ивановичъ, вѣсомъ съ курицу, двухъ лѣтъ съ хвостикомъ, румяный, какъ помидоръ. Пришелъ, палецъ въ ротъ, вытаращилъ глазки, пустилъ слюну и смотритъ.

— Васенька, иди-ка, червячокъ, сюда, посмотри,—позвала его Лиля и посадила рядомъ съ собой на бревно. Сидятъ, какъ галки, всѣ четверо: Лиля, Тася, кошка и Василій Ивановичъ и смотрятъ. Хорошо!

А Данила старается. Знаетъ онъ, каково ждать, когда домъ строится!

Притащилъ изъ сарая доски, собралъ быстро стѣнки,—хитрый былъ, молчалъ, а все у него было заготовлено,—вставилъ раму, приложилъ такъ, чтобы окно къ рѣчкѣ выходило, чтобы все можно было видѣть: и лодки, и утокъ, и купальную пеструю будку...

— Муръ-мяу,—сказала кошка и ткнула Лилю головой,—окно со стекломъ, какъ же я буду влѣзать?! Это онъ, вѣрно, нарочно, за то, что я у него вчера ватрушку стянула...

— Да не приставай ты, чучелка!—Лиля не понимала кошкинаго языка, да и некогда было съ ней возиться.

— Данила, Данила,—запищала Тася,—а, Данила?

— Чего?

— Уже можно жить?

— По - го - ди...

— Какая смѣшная дѣвочка!—заскрипѣла скворчиха надъ головою у Таси.—Какъ же можно жить безъ крыши и безъ дверцы? Ага, вотъ и дверцы! Какія большія и совсѣмъ не круглыя! Ничего онъ не понимаетъ, этотъ Данила...

Кошка посмотрѣла однимъ глазомъ на скворчиху и лѣниво зѣвнула:

— Мняу... Эй ты, скворечная курица, иди-ка лучше въ свой ящикъ спать! Сама ты ничего не понимаешь, а еще разсуждаешь, тоже....

Скворчиха сдѣлала видъ, что не слышитъ,—стоитъ ли со всякой кошкой связываться!

— Съ новосельемъ!—сказалъ Данила, взялъ топоръ подмышку, набилъ трубку, закурилъ и ушелъ.

Ай-да домикъ! Настоящая крыша, настоящія дверцы, настоящее окно...

А внутри какъ хорошо, прямо запищишь отъ удовольствія. Стѣны струганыя, свѣтленькія, по бокамъ лавочки, какъ въ вагонѣ. Подъ окномъ столикъ на крючкахъ, смолой пахнетъ, чистенькій такой, словно его кошка языкомъ облизала. Окошко со стеклами, переливается, а за окномъ, какъ на ладошкѣ, вся голубая рѣка: утки плывутъ и кланяются, верба на берегу зелеными лентами машетъ, желтый катерокъ пробѣжалъ, фыркая, какъ мокрая собака. Хорошо!

Посмотрѣла Лиля на Тасю, Тася—на Лилю, Василій Ивановичъ—на кошку и кошка на всѣхъ,—вдругъ что-то всѣ вспомнили и сразу затормошились. А мебель? А картинки? А занавѣски? А кухня? А посуда?

— Ахъ ты Боже мой, какія мы свистульки!

Подхватили дѣвочки Василія Ивановича—одна справа, другая слѣва—подмышки, какъ самоваръ, и понеслись къ дому. Кошка осталась. Ходитъ да нюхаетъ все: новый домикъ, надо же привыкнуть.

Смотрятъ съ березы скворецъ и скворчиха и удивляются,—никогда еще въ саду они такого чуда не видали. Впереди шагаетъ Василій Ивановичъ, пыхтитъ и волочитъ по землѣ красный коврикъ, за нимъ въ припрыжку Тася съ цѣлымъ кукольнымъ семействомъ на рукахъ, за ней Лиля съ жестяной кухней, съ рѣзной полочкой, съ самоваромъ, за ними мама съ занавѣской и посудой (такая большая, а съ дѣвочками играетъ!), за ней папа, широкій, какъ купальная будка, идетъ, очками на солнцѣ блеститъ, а въ рукѣ молотокъ и картинки, за нимъ кухарка съ морковками, а въ самомъ хвостѣ старая черная собака Арапка—ничего не несетъ, идетъ, языкъ высунула и тяжело дышитъ...

— Чики-вики,—запищала скворчиха,—идемъ скорѣй въ скворешникъ, у меня даже голова закружилась...

Пошла работа! Разостлали въ домикѣ коврикъ, углы утыкали зеленой вербой, прибили картинку «мальчика-съ-пальчика», приколотили полочку, разставили посуду, накололи занавѣску,—и готово!

Папа съ кухаркой Агашей были оба толстые и никакъ не могли пролѣзть въ дверь, какъ ни старались. Поздравили дѣвочекъ со двора съ новосельемъ и ушли. А мама, маленькая, худенькая, осталась было съ ними жить, все разставила, все прибрала, вытерла Василію Ивановичу носъ, сняла съ волосъ малиновую ленту и навязала ее кошкѣ, ради новоселья, вокругъ шеи и только собралась съ ними стряпать, какъ ее позвали въ бѣлый домъ... Ушла, какъ ее ни просили остаться.

— Нельзя,—говоритъ,—червячки! У васъ свой домъ, у меня свой,—какъ же домъ безъ хозяйки останется? До свиданья.

Такъ и ушла.

— А у насъ кто же будетъ хозяйкой?—спросила Тася.

— Я!—сказала Лиля.

— А я?

— И ты тоже.

— А Василій Ивановичъ?

— Нашъ сынъ.

— А кошка?

— Судомойка.

— Мняу! Скажите, пожалуйста!—обидѣлась кошка.—Почему судомойка?

— Потому, что тарелки лижешь,—захрипѣла старая Арапка, хлопая, какъ деревяшкой, хвостомъ по полу.

— А ты не лижешь?

— Лижу, да не твои.

— Эй, вы, не ссориться!—Тася топнула башмачкомъ, взяла ведерко и пошла къ рѣчкѣ за водой.

Возлѣ дома на траву поставили кухню, собрали щепокъ, растопили плиту, перемыли въ ведеркѣ морковку, нарѣзали и поставили вариться, а сами опять въ домъ.

Только усѣлись и затворили дверцы,—слышатъ, изъ бѣлаго дома кто-то спѣшитъ, задыхается.

— Молчать, сидѣть тихо!—скомандовала Лиля.

Тася посмотрѣла въ щелку и уткнулась губами въ Василія Ивановича: смѣшно, хоть на полъ садись, а разсмѣяться нельзя.

А за дверцами стоялъ важный человѣкъ: братъ Витя, приготовишка, въ длинныхъ штанишкахъ, съ дѣвочками играть не любилъ,—стоялъ и смотрѣлъ.

— Отворить?—шепнула Тася.

— Пусть попроситъ.

— Эй, вы!—раздалось за дверью.

Ни гу-гу.

— Что вы тамъ, въ самомъ дѣлѣ, затворились?

Ни гу-гу.

— Да пустите же, курицы!

— Пустить?—опять шепнула Тася.

— Слушай,—Лиля подбѣжала къ двери и взялась за крючокъ:—мы тебя пустимъ жить, только, только...

— Что только?

— Что ты намъ принесешь въ домъ?

— Жаренаго таракана.

— Кушай самъ! Нѣтъ,—ты серьезно скажи...

— А вотъ, а вотъ... я вамъ... выкрашу крышу!

Трахъ! Крючокъ слетѣлъ, и сама дверь чуть не спрыгнула съ петель, домъ такъ и закачался.

— Выкрасишь крышу?!

— Могу.

— Въ зеленую краску?

— Могу и въ зеленую.

Витя былъ большой мастеръ. Черезъ полчаса крыша была зеленая, какъ лягушка, и Витины руки были зеленыя, и кошкинъ хвостъ былъ зеленый (зачѣмъ суется?), и даже на Тасинъ башмакъ капнула зеленая краска.

Вода въ кастрюлькѣ закипѣла. Вытащили морковку, разрѣзали на кусочки, разложили на тарелочки и дали всѣмъ—и Василію Ивановичу, и Арапкѣ, и кошкѣ. А когда пообѣдали, опять заперли дверь на крючокъ, тѣсно-тѣсно усѣлись на лавочкѣ и давай пѣть:

— Нашъ домъ! Нашъ домъ!
Съ окномъ!
Съ крыльцомъ!
Нашъ домъ! Нашъ домъ!
Съ потолкомъ!
Съ крючкомъ!...

Замѣчательная пѣсня.

Цѣлый день не вылѣзали изъ домика, и когда позвали ихъ обѣдать въ большой домъ, такъ и не пошли: заставили все принести себѣ въ домикъ.

Такъ и просидѣли до вечера. Ночевать въ домикѣ имъ не позволили, да и холодно,—пришлось итти всей компаніей въ бѣлый домъ, въ свою дѣтскую. Ахъ, какъ не хотѣлось!

Ушли. Луна вылѣзла изъ-за рѣчки. Въ домикѣ стало пусто и тихо. Совсѣмъ тихо. Кошка проводила дѣтей и вернулась. Обошла домикъ кругомъ,—дверь на задвижкѣ. Какая досада! Тамъ за лавочку во время обѣда завалился кусочекъ котлеты, завтра прозѣваешь,—Арапка съѣстъ. Она на это мастерица!

Сидитъ кошка, зѣваетъ: итти въ сарай на стружки спать или здѣсь передъ дверью клубкомъ свернуться? И вдругъ прислушалась,—шуршитъ что-то въ домикѣ, шуршитъ да шуршитъ. Забѣжала съ другой стороны, ухватилась когтями за окно, смотритъ—сидитъ на столикѣ за стекломъ мышь и ѣстъ кошкину котлету, лапками такъ и перебираетъ.

— Ахъ ты, разбойница!

Разсердилась кошка, даже зубами заскрипѣла. А мышь увидѣла ее, смѣется, хвостикомъ машетъ, дразнитъ,—за стекломъ не страшно.

Свалилась кошка на траву, посидѣла, подумала и пошла къ дверямъ:

— Тутъ и лягу... Утромъ Лиля и Тася дверь откроютъ,—покажу я тебѣ, какъ чужія котлеты ѣсть!..

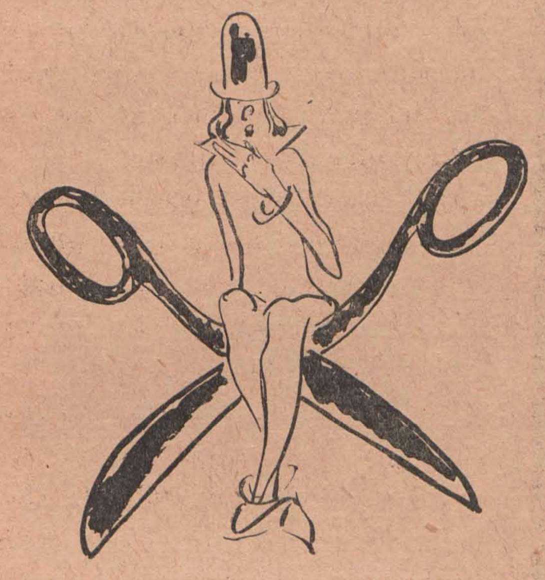
Не знала она, глупая, что въ углу, когда плотникъ Данила полъ сбивалъ, одинъ сучокъ изъ доски выскочилъ: много ли мышкѣ надо, чтобы уйти?..

Саша Чёрный.

ІЕРЕМІЯ-ЛѢНТЯЙ

СКАЗКА КС. БОГУСЛАВСКОЙ. РИСУНКИ ИВ. ПУНИ.

илъ-былъ старенькій Парикмахеръ.

Сѣденькій, сгорбленный, на животикѣ ножницы привѣшаны, а отъ самого мыломъ да духами пахнетъ. Онъ былъ такой старенькій и медлительный, что пока немножко волосъ сострижетъ, ужъ другіе на ихъ мѣсто вырастутъ.

У него былъ сынъ Іеремія, сонный и лѣнивый, какъ зимняя муха. Сидитъ, супъ ѣстъ; ложку до рта не донесетъ—заснетъ, захрапитъ; поспитъ немного—проснется, а ужъ супъ холодный,—нести надо подогрѣвать. Согрѣется супъ, сядетъ Іеремія его ѣсть, да опять заснетъ. Проснется—опять тащи супъ на печку.

Такъ онъ и не могъ никогда досыта покушать.

Вотъ и говоритъ ему однажды отецъ:

— Старъ я сталъ, да и вижу плохо: не дай Богъ, застригу кого-нибудь до полусмерти. Пора тебѣ за работу приниматься. Далъ ему ножницы въ руки и велѣлъ старое кресло стричь, изъ котораго отъ дряхлости волосы вылѣзли.

А Іеремія уткнулся носомъ въ стѣнку—засопѣлъ, захрапѣлъ,—спитъ.

Отцу это страшно не понравилось.

— Я тебя учу,—говоритъ,—а ты спишь. Ну, когда такъ, ужъ если ты такой лѣнивый, такъ убирайся съ глазъ моихъ долой.

Вытолкалъ Іеремію вонъ и дверь на цѣпочку закрылъ.

Ушелъ Іеремія изъ дому, пошелъ куда глаза глядятъ.

Идетъ день, идетъ два—такъ долго шелъ, что даже спать на ходу научился.

Вотъ однажды идетъ, спитъ и вдругъ споткнулся, открылъ глаза, видитъ: на землѣ туго-набитый кошелекъ лежитъ. Хотѣлъ онъ его поднять, да лѣнь нагнуться; подумалъ немножко, а потомъ рѣшилъ—не стоитъ трудиться, и отправился дальше.

Шелъ онъ часа полтора, прошелъ шаговъ двадцать и столкнулся носъ къ носу съ Маленькимъ Человѣчкомъ въ большущихъ очкахъ. Ничего изъ за очковъ и не видно, какъ-будто одни очки на ножкахъ идутъ.

Іеремія сразу догадался, что это колдунъ.

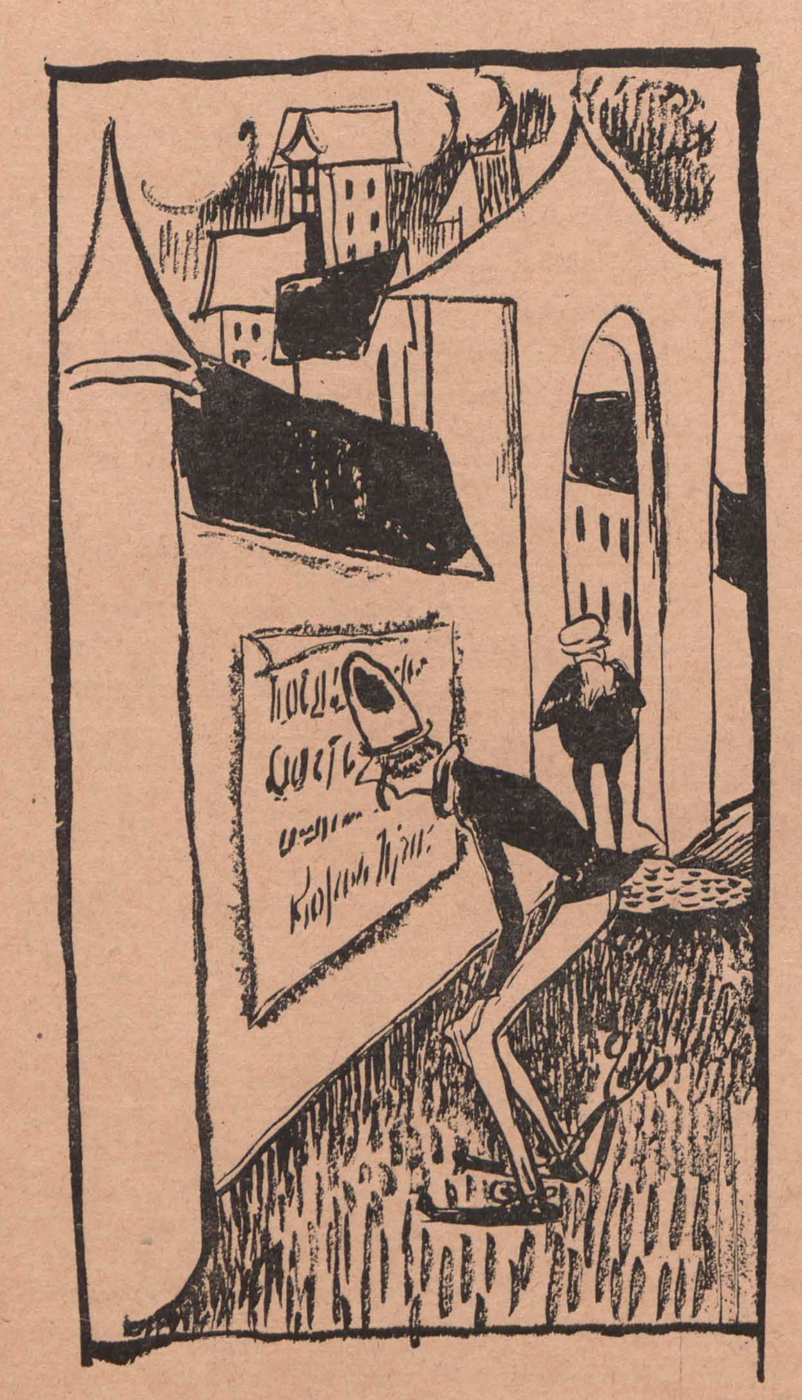
— Извините,—говоритъ,—я васъ не ушибъ ли?

— Вы моего кошелька не видали?—забасилъ вдругъ колдунъ.

— Видѣлъ, видѣлъ,—сказалъ Іеремія.

— Гдѣ же кошелекъ?

— А тамъ же на дорогѣ лежитъ, далеко отсюда, часа два ходьбы.

Глупый ты малый, а, видно, честный,—говоритъ колдунъ,— и пахнетъ отъ тебя мыльцемъ, ужъ не паракмахерскій ли ты подмастерье? Вотъ дарю тебѣ въ награду за честность эти Волшебныя Ножницы.

И съ этими словами исчезъ.

Іеремія положилъ ножницы въ карманъ и пошелъ дальше.

Наконецъ подошелъ къ городу Первердасу.

Видитъ: огромныя ворота, а городъ маленькій, и на воротахъ объявленіе виситъ. Началъ Іеремія читать, пять разъ засыпалъ, пока читалъ,—такое длинное. Вотъ что было написано:

«Симъ объявляется всѣмъ жителямъ Первердаса, что завтра устраивается пятое и послѣднее состязаніе парикмахеровъ.

Король Кирикусъ Пятый».

— Гмъ!—сказалъ Іеремія и вошелъ въ ворота. А подъ воротами Спиридонъ сидитъ, слезы по щекамъ размазываетъ, а слезы текутъ, текутъ—ужъ порядочное озерко наплакалъ.

— Что ты плачешь? — спрашиваетъ Іеремія,—можетъ быть, тебѣ спать хочется?

— Спаать?!—протянулъ Спиридонъ.—Да ужъ весь городъ двѣ недѣли не спитъ, всѣ сидятъ, думаютъ, да плачутъ. Такая сырость развелась, что ужъ по улицамъ нельзя безъ калошъ пройти.

Тутъ, вдругъ, изъ-за его плеча, раздалось такое чиханье, что у Іереміи чуть шляпа не слетѣла съ головы.

— Это Вегъ,—сказалъ Спиридонъ,—королевскій куаферъ *), Адольфъ Вегъ.

---

*) Куаферъ—по-французски цирульникъ.

Куаферъ привсталъ и оказался весьма полнымъ человѣкомъ на маленькихъ кривыхъ ножкахъ.

— Да, милостивый государь,—сказалъ онъ, сморкаясь и складывая платокъ въ карманъ.—Вы видите передъ собой парикмахера, которому грозитъ чувствительная непріятность. Въ высшей степени чувствительная непріятность.

И онъ разсказалъ Іереміи слѣдующую исторію:

— Въ этой странѣ царствовалъ могущественный король Кирикусъ. Король Кирикусъ еще въ дѣтствѣ былъ необычайно уменъ, и отъ этого у него голова была тяжелѣе туловища, и когда онъ шелъ, то все головой объ стулья хлопался. И такъ себѣ голову настукалъ, что вся она поросла шишками. Поэтому стричь короля очень неудобно: некрасивая прическа выходитъ. И вотъ на завтра назначено состязаніе: если найдется такой парикмахеръ, что короля красиво ежикомъ подстрижетъ, то будетъ онъ кататься, какъ сыръ въ маслѣ. А не найдется— всѣхъ парикмахеровъ въ тюрьму посадятъ. И такъ какъ король уже всѣхъ парикмахеровъ перепробовалъ, и ни у одного хорошо не выходило, то придется, значитъ, всему сословію въ тюрьму садиться.

Послѣ этого Адольфъ Вегъ захныкалъ, зачихалъ, зафыркалъ, но Іеремія не сталъ его слушать, а пошелъ записываться на состязаніе.

Вотъ на другой день, когда пришла Іереміина очередь, вытащилъ онъ Ножницы изъ кармана, приставилъ къ королевскому затылку, а Ножницы какъ защелкали, заскрипѣли, стригутъ во-всю сами—только волосы въ разныя стороны летятъ. Всѣмъ придворнымъ глаза запорошило.

Однимъ словомъ, выстригъ короля великолѣпно.

Король посмотрѣлся въ зеркало и сказалъ:

— Ничего себѣ, красиво.

И взялъ его во дворецъ придворнымъ куаферомъ—жить да поживать, да по двадцать часовъ въ сутки спать.

А остальное время Іеремія короля подстригалъ, прихорашивалъ, самъ— стоитъ, ярлычки на флаконахъ съ одеколономъ читаетъ, а ножницы знай— стригутъ. Такъ прошло два года. Іеремія растолстѣлъ и еще лѣнивѣе сталъ.

Но вотъ однажды ѣлъ король сардинки и капнулъ себѣ на горностаевую мантію. А Мантія была дорогая.

— Экая досада,—сказалъ король королевѣ.—Самый лучшій костюмъ испачкалъ, ужъ лучше бы я тебѣ на платье капнулъ.

Отдали мантію Іереміи и велѣли осторожно бензиномъ почистить.

А Іереміи лѣнь за бензиномъ въ аптеку сходить.

«Ну ее,—думаетъ,—завтра почищу».

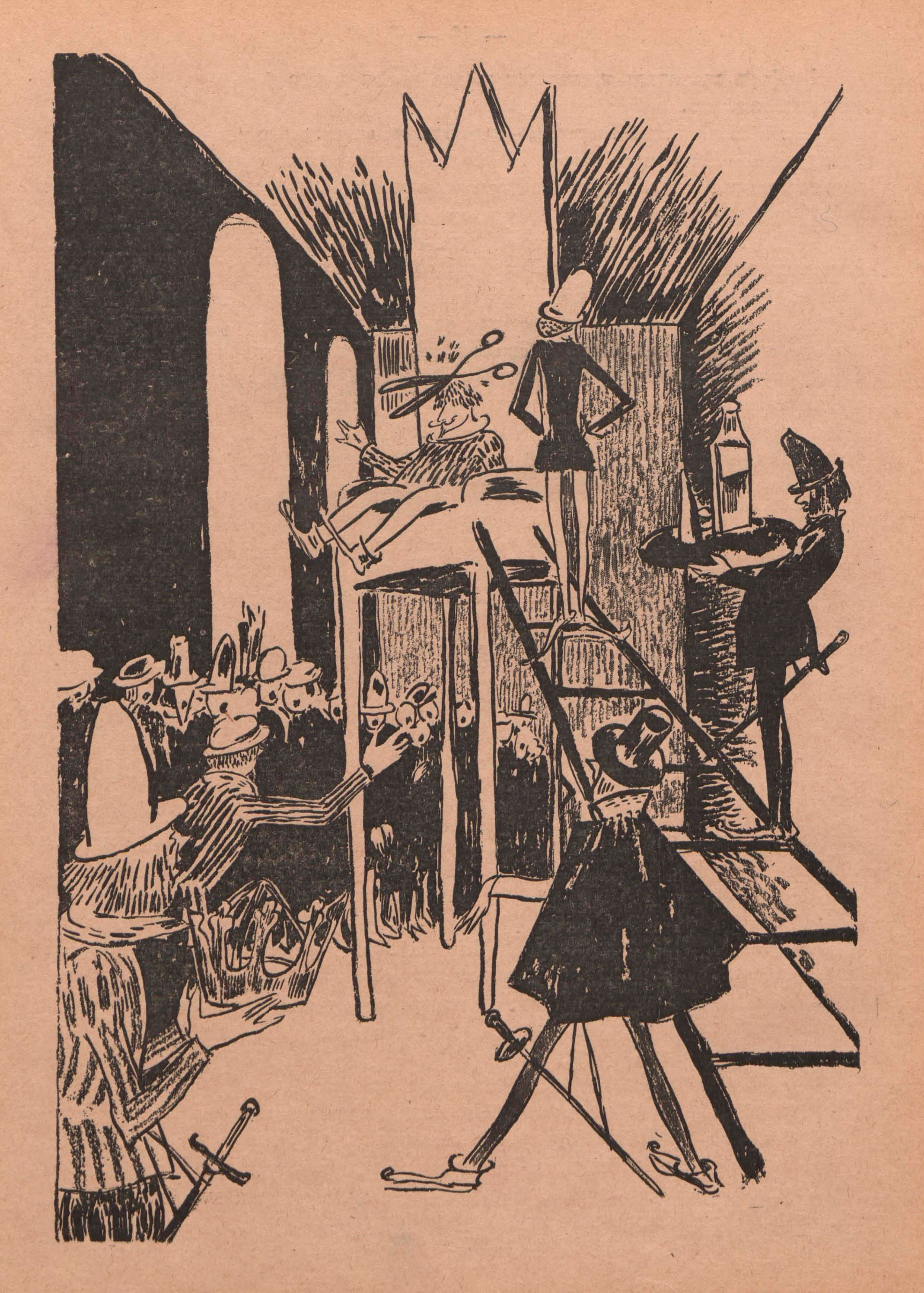
Положилъ мантію на столъ, а самъ спать завалился.

Такъ ему спать хотѣлось, что и Ножницы Волшебныя на столѣ позабылъ.

Только онъ захрапѣлъ, Ножницы принялись за работу.

Всю мантію выстригли чисто-на-чисто, подъ 1-й номеръ.

Утромъ Іеремія проснулся, сходилъ, купилъ на 10 копеекъ бензину да такъ и ахнулъ: видитъ мантія стриженая.

Разсердился, схватилъ Ножницы и выкинулъ за окно.

А ужъ отъ короля гонцы за гонцами: подавай ему мантію, да поскорѣй, да не пахнетъ ли она бензиномъ?

Наконецъ не дождался король, пошелъ за мантіей самъ.

Іеремія слышитъ, по коридору кто-то топаетъ,—пріоткрылъ дверь и остолбенѣлъ: самъ Кирикусъ Пятый стоитъ въ халатѣ.

Ну, ужъ тутъ Іереміи никакъ было не отвертѣться. Пришлось королю все разсказать: и что у него Ножницы были волшебныя, и какъ онѣ мантію подстригли.

Дрожитъ Іеремія, разсказываетъ, а самъ голову нѣтъ-нѣтъ и потрогаетъ,— боится, чтобъ отъ страху голова не отвалилась.

— Такъ,—сказалъ король.—Ну хорошо, Іеремія, предположимъ, я тебя казню. Такъ. А подавай мнѣ сюда Ножницы!

— Да я ихъ выкинулъ,—говоритъ Іеремія.

— Ахъ ты, сонная тетеря,—завопилъ король,—кто же меня стричь будетъ?

Сѣлъ за столъ и написалъ большущую бумагу:

«Приказываю своимъ подданнымъ оставить всѣ свои занятія и явиться къ главному Министру Королевскихъ Носовыхъ Платковъ.

А виновные будутъ строго наказаны.

Король Кирикусъ Пятый».

Вотъ всѣ подданные явились, дѣла свои побросавъ, и велѣлъ имъ министръ поиски начинать. Ищутъ, ищутъ—ничего не могутъ найти.

Іеремія спитъ, сидя въ тюрьмѣ, подданные ищутъ, а король все въ зеркало смотритъ, какъ у него волосы растутъ.

— А что, Машенька,—спрашиваетъ королеву,—не пора ли ужъ стричь?

— Давно пора,—говоритъ королева.

— А позвать сюда Іеремію!

Привели его солдаты, соннаго съ соломы сняли.

— Ну,—говоритъ король,—даю тебѣ сроку три дня. Можешь выспаться хорошенько, а потомъ я тебя повѣшу. Но только сначала ты долженъ будешь меня постричь. Плохо выйдетъ,—придется повѣсить. Хорошо выйдетъ,—сдѣлаю тебя опять придворнымъ парикмахеромъ.

Пошелъ Іеремія назадъ въ тюрьму.

Сидѣлъ три дня и три ночи, все думалъ, и весь сонъ съ него соскочилъ.

Думалъ, думалъ, ничего придумать не могъ.

Насталъ четвертый день, открылъ тюремщикъ тюрьму огромнымъ ключомъ и потащилъ Іеремію за воротъ во дворецъ.

А тамъ король сидитъ, бушуетъ,—никакъ пообѣдать хорошенько не можетъ: волосы мѣшаютъ, такіе длинные отросли, что въ глаза лѣзутъ и, какъ король кушать соберется, на носъ ему свѣсятся и въ соусѣ мокнутъ.

— Вотъ, — сказалъ король грустно и отодвинулъ тарелку,—совсѣмъ уже и кушать не могу, вотъ какъ волосами заросъ. Стриги, Іеремія, скорѣй! Да смотри: чуть что не такъ,—повѣшу!

Отъ страху у Іереміи затряслись руки, но дѣлать нечего. Взялъ онъ ножницы и такъ изуродовалъ царскую прическу, что ужасъ: стала голова какъ стогъ сѣна, изъ за уха клокъ мочалы повисъ; на маковкѣ просто вѣеръ получился. Всѣ такъ и прыснули: «вотъ такъ огородное чучело!»

— Ну что,—спрашиваетъ король,—какъ выходитъ?

Глянулъ Іеремія однимъ глазкомъ на придворныхъ—видитъ: хохочутъ, смѣются, подмигиваютъ—очень смѣшная прическа.

— Ну,—повторилъ король,—что же вы молчите? Отвѣчайте.

Придворные отъ страху чуть не попадали, трепещутъ, не знаютъ, что и сказать,—но такъ какъ неудобно сказать королю, что онъ безобразное пугало, то выступилъ изъ толпы первый министръ и сказалъ, что у короля въ новой прическѣ удивительно величественный видъ.

— Га, такъ ты, значить, находишь, что я красавецъ?—сказалъ король, очень довольный.

— Изумительный красавецъ, восхитительный!—пропѣли королю придворные.

— Ну, а коли восхитительный, то и вы всѣ извольте носить такія же прически, а если кто не захочетъ, того я посажу въ тюрьму.

Такъ всѣ и ходятъ теперь въ городѣ Первердасѣ какъ огородныя чучела, съ метелками, вмѣсто прически: ничего не подѣлаешь—мода.

А Іереміей король остался очень доволенъ, повѣсилъ ему на шею огромную золотую медаль съ надписью «королевскій цирюльникъ», и съ тѣхъ поръ Іеремія живетъ да поживаетъ въ городѣ Короля Кирикуса, и лѣнь съ него какъ рукой сняло—открылъ парикмахерскую и стрижетъ весь городъ.

Я самъ у него стригся на прошлой недѣлѣ, и теперь у меня такая прическа, что даже лошади на улицѣ смѣются.

ФОФКА

Дѣтскую оклеили новыми обоями. Обои были очень хорошіе, съ голубыми цвѣточками.

Но никто не досмотрѣлъ, ни обойщикъ, который продавалъ обои, ни мама, которая ихъ купила, ни нянька Анна, ни горничная Маша, ни кухарка Домна, словомъ никто, ни одинъ человѣкъ, не досмотрѣлъ вотъ чего:

Маляръ приклеилъ на самомъ верху, вдоль всего карниза, бумажную полосу. На полосѣ были нарисованы пять собакъ, а посрединѣ ихъ желтый цыпленокъ, съ пумпушкой на хвостѣ. Рядомъ опять сидятъ кружкомъ пять собачекъ и цыпленокъ. Рядомъ еще пять собачекъ и цыпленокъ съ пумпушкой. И такъ вдоль всей комнаты на самомъ верху подъ карнизомъ пять собачекъ стерегутъ желтаго цыпленка.

Маляръ наклеилъ полосу, слѣзъ съ лѣстницы и сказалъ:

— Ну-ну!

Но сказалъ такимъ голосомъ, что это было не просто—«ну-ну», а что-то похуже. Да и маляръ былъ необыкновенный маляръ, до того испачканный красками и мѣломъ, что никакъ нельзя разсмотрѣть, какой это былъ маляръ. Звали его Панкратомъ. Когда онъ шелъ по коридору и тащилъ лѣстницу, то сапоги его сами собою топали. Онъ взялъ деньги за работу, заворчалъ, надѣлъ дырявое пальто и вдругъ пропалъ вмѣстѣ съ лѣстницей, точно его никогда и не было.

А потомъ и оказалось: мама никогда такой полосы съ собаками и цыпленкомъ не покупала. Позвонили по телефону въ магазинъ, оттуда отвѣтили:— «виноваты-съ, мы ничего не знаемъ».

Сначала мама разсердилась, потомъ пришла въ дѣтскую и сказала:

— Ну, что-же, очень мило—собачки и цыпленокъ,—и велѣла намъ ложиться спать.

Насъ, дѣтей, было двое у нашей мамы, я и Зина. Легли мы спать. Нянька зажгла лампадку и ушла. Зина мнѣ и говоритъ:

— Знаешь что? А цыпленка то зовутъ Фофка.

Я спрашиваю:

— Какъ такъ Фофка?

— А вотъ такъ, самъ увидишь.

Мы долго не могли заснуть, трусили. Вдругъ Зина шепчетъ:

— У тебя глаза открытые?

— Нѣтъ, зажмуренные.

— Ты ничего не слышишь?

Я навострилъ оба уха, слышу — потрескиваетъ гдѣ то, попискиваетъ. Открылъ въ одномъ глазу щелку, смотрю—лампадка мигаетъ, а по стѣнѣ бѣгаютъ тѣни, какъ мячики. Въ это время лампадка затрещала и погасла.

Зина сейчасъ же залѣзла ко мнѣ подъ одѣяло, закрылись мы съ головой. Она и говоритъ:

— Фофка все масло въ лампадкѣ выпилъ.

Я спрашиваю:

— А шарики зачѣмъ по стѣнѣ прыгали?

— Это Фофка отъ собакъ убѣгалъ, слава Богу они его поймали.

На утро проснулись мы, смотримъ—лампадка совсѣмъ пустая, а наверху, въ одномъ мѣстѣ, около Фофкинаго клюва—масляная капля.

Мы сейчасъ же все это разсказали мамѣ, она ничему не повѣрила, засмѣялась. Кухарка Домна засмѣялась, горничная Маша засмѣялась тоже, одна нянька Анна покачала головой.

Вечеромъ Зина мнѣ опять говоритъ:

— Ты видѣлъ, какъ нянька покачала головой?

— Видѣлъ.

— Что-то будетъ! Нянька не такой человѣкъ, чтобы напрасно головой качать. Ты знаешь зачѣмъ у насъ Фофка появился? Въ наказанье за наши съ тобой шалости. Вотъ почему нянька головой качала. Давай ка лучше припомнимъ всѣ шалости, а то будетъ еще хуже.

Начали мы припоминать. Припоминали, припоминали, припоминали и запутались. Я говорю:

— А помнишь, какъ мы на дачѣ взяли гнилую доску и положили черезъ ручей? Шелъ портной въ очкахъ, мы кричимъ: «идите, пожалуйста, черезъ доску, здѣсь ближе». Доска сломалась и портной упалъ въ воду. А потомъ Домна ему животъ утюгомъ гладила, потому что онъ чихалъ.

Зина отвѣчаетъ:

— Неправда, этого не было, это мы въ книжкѣ читали.

Я говорю:

— Ни въ одной книжкѣ про такую гадкую шалость не напишутъ. Это мы сами сдѣлали.

Тогда Зина сѣла ко мнѣ на кровать, поджала губы и сказала противнымъ голосомъ:

— А я говорю: напишутъ, а я говорю: въ книжкѣ, а я говорю, ты по ночамъ рыбу ловишь.

Этого, конечно, я снести не могъ. Мы сейчасъ же поссорились. Вдругъ кто то цапнулъ страшно больно меня за носъ. Смотрю и Зина за носъ держится.

— Ты что?—спрашиваю Зину. И она отвѣчаетъ мнѣ шопотомъ:

— Фофка. Это онъ клюнулъ.

Тогда мы поняли, что намъ не будетъ отъ Фофки житья.

Зина сейчасъ же заревѣла. Я подождалъ и тоже заревѣлъ. Пришла нянька, развела насъ по постелямъ, сказала, что если мы не заснемъ сію же минуту, то Фофка отклюетъ намъ весь носъ до самой щеки.

На другой день мы забрались въ коридорѣ за шкафъ. Зина говоритъ:—Съ Фофкой нужно прикончить.

Стали думать, какъ намъ избавиться отъ Фофки. У Зины были деньги—на переводныя картинки. Рѣшили купить кнопокъ. Отпросились гулять и прямо побѣжали въ магазинъ «Пчела». Тамъ двое гимназистовъ приготовительнаго класса покупали картинки для наклеиванья. Цѣлая куча этихъ замѣчательныхъ картинокъ лежала на прилавкѣ, и сама госпожа «Пчела», съ подвязанной щекой, любовалась, жалѣя съ ними разстаться. И все таки мы спросили у госпожи «Пчелы» кнопокъ на всѣ тридцать копѣекъ.

Потомъ вернулись домой, подождали, когда отецъ и мама уйдутъ со двора, прокрались въ кабинетъ, гдѣ стояла деревянная, лакированная лѣстница отъ библіотеки, и притащили лѣстницу въ дѣтскую.

Зина взяла коробочку съ кнопками, залѣзла на лѣстницу подъ самый потолокъ и сказала:

— Повторяй за мной: я съ моимъ братомъ Никитой даемъ честное слово никогда не шалить, а если мы будемъ шалить, то не очень, а если даже очень будемъ шалить, то сами потребуемъ, чтобы намъ не давали сладкаго ни за обѣдомъ, ни за ужиномъ, ни въ четыре часа. А ты, Фофка, сгинь, чуръ, чуръ, пропади!

И когда мы сказали это оба громко въ одинъ голосъ, Зина приколола Фофку кнопкой къ стѣнѣ. И такъ приколола быстро и ловко,—не пикнулъ, ногой не дрыгнулъ. Всѣхъ было шестнадцать Фофокъ, и всѣхъ приколола кнопками Зина, а собачкамъ—каждой—носикъ помазала вареньемъ.

Съ тѣхъ поръ Фофка намъ больше не страшенъ. Хотя вчера поздно вечеромъ на потолкѣ началась было возня, пискъ и царапанье, но мы съ Зиной спокойно заснули, потому что кнопки были не кое какія кнопки, а куплены у госпожи «Пчелы».

Гр. Алексѣй Н. Толстой.

РАЗГАДКА РЕБУСА,

помѣщеннаго на страницѣ 39-ой.

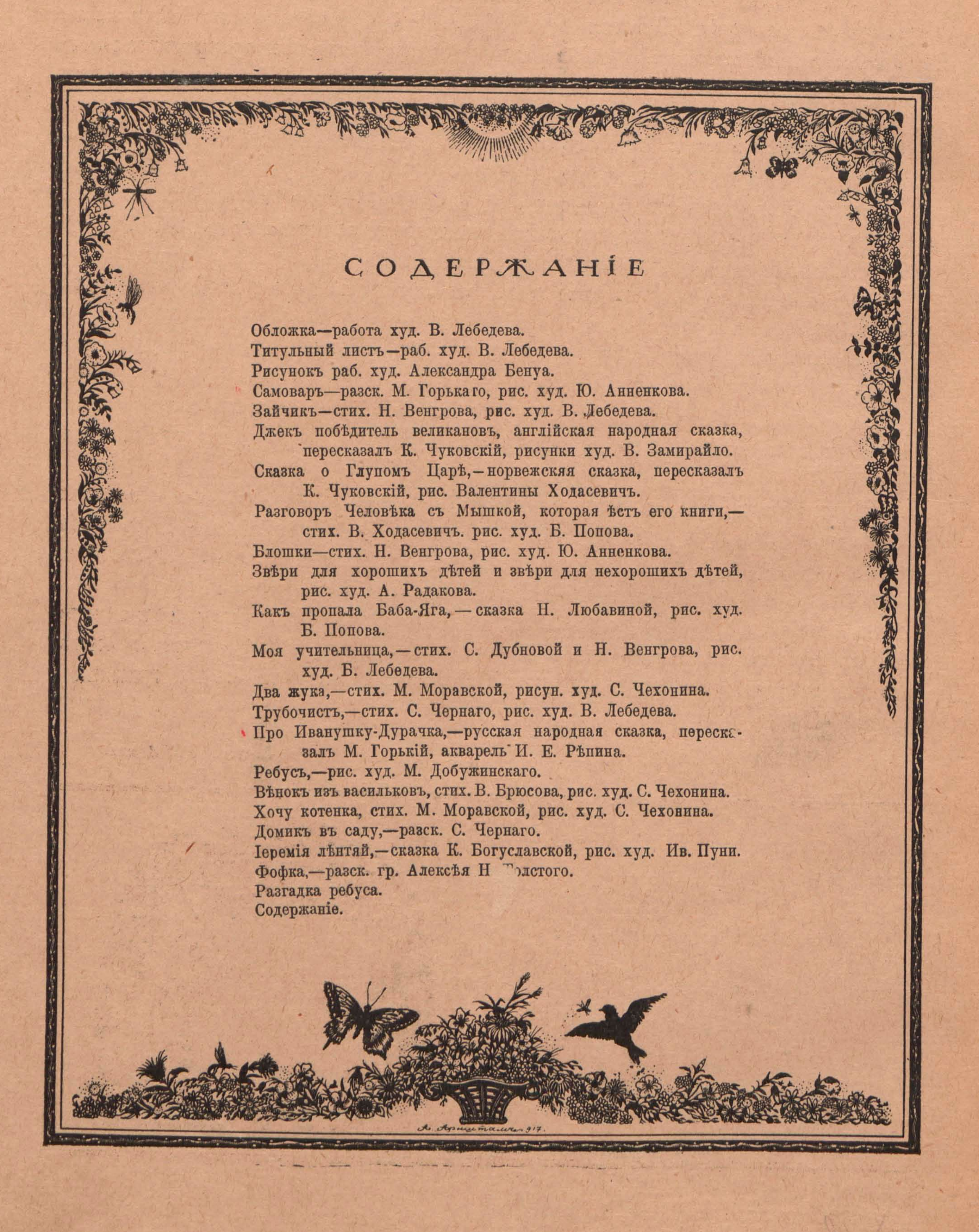
Первое—Ночь.

Второе—Ной.

Третье—Сто рожъ.

А все вмѣстѣ—вотъ:

Содержаніе